

ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
основано в июле 1961 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 3 ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

от 7 февраля 2023 г.

Об утверждении арбитражных заседателей арбитражных судов субъектов Российской Федерации

В соответствии с пунктом 2 статьи 3 Федерального закона от 30 мая 2001 года № 70-ФЗ “Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации” (в редакции Федерального закона от 28 ноября 2018 года № 451-ФЗ) Пленум Верховного Суда Российской Федерации постановляет:

Утвердить на двухлетний срок полномочий арбитражными заседателями Арбитражного суда Алтайского края:

Иванова Дмитрия Валерьевича,
Красилову Ирину Сергеевну.

*Председатель Верховного Суда Российской Федерации
В.М. ЛЕБЕДЕВ*

*Секретарь Пленума, судья Верховного Суда Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ*

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

1. В случае расторжения договора безвозмездной передачи жилого помещения в собственность граждан утрачивает возможность повторного участия в приватизации
*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 19 июля 2022 г. № 53-КГ22-14-К8*

(Извлечение)

Р. обратилась в суд с иском к администрации города о возложении обязанности безвоз-

мездно передать жилое помещение в собственность. В обоснование требований истец указала, что ей на праве собственности принадлежало жилое помещение № 1, полученное на основании договора о безвозмездной передаче жилья в собственность от 14 февраля 2001 г. Жилой дом 22 мая 2014 г. признан аварийным и подлежащим сносу. 20 октября 2014 г. истец безвозмездно передала принадлежащую ей квартиру в собственность муниципального образования города, продолжая проживать в этой же квартире на основании заключенного договора социального найма. В настоящее время Р. проживает в квартире № 2, которая предо-

ставлена ей по договору социального найма от 20 ноября 2020 г. взамен прежней. Истец обратилась к ответчику с заявлением о приватизации квартиры № 2. Однако 7 апреля 2021 г. администрацией города в этом ей отказано со ссылкой на то, что истец уже использовала право на бесплатную приватизацию жилья, которое предоставляется законом только один раз. Учитывая изложенное, Р. просила признать отказ администрации города противоречащим закону, возложив на администрацию обязанность по передаче квартиры по договору приватизации в собственность Р.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением суда апелляционной инстанции, искивые требования удовлетворены.

Определением судебной коллегии по гражданским делам кассационного суда общей юрисдикции судебные постановления оставлены без изменения.

Разрешая спор и удовлетворяя искивые требования, суд первой инстанции исходил из того, что фактически Р. не реализовала право на приватизацию жилья, поскольку ранее приватизированную квартиру истец передала в муниципальную собственность, другое жилое помещение ей было предоставлено на условиях социального найма.

Суд апелляционной инстанции и судебная коллегия по гражданским делам кассационного суда общей юрисдикции согласились с выводами суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в определении от 19 июля 2022 г. признала выводы судебных инстанций сделанными с существенным нарушением норм права, указав следующее.

В силу ч. 1 ст. 2 Закона РФ от 4 июля 1991 г. № 1541-1 “О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации” граждане Российской Федерации, имеющие право пользования жилыми помещениями государственного или муниципального жилищного фонда на условиях социального найма, вправе приобрести их на условиях, предусмотренных данным Законом, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, в общую собственность либо в собственность одного лица, в том числе несовершеннолетнего, с согласия всех имеющих право на приватизацию данных жилых помещений совершеннолетних лиц и несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет.

В соответствии со ст. 91 указанного Закона граждане, приватизировавшие жилые помещения, являющиеся для них единственным местом постоянного проживания, вправе передать принадлежащие им на праве собственности и свободные от обязательств жилые помещения в государственную или муниципальную собственность, а соответствующие органы исполнительной власти, органы местного самоуправления или уполномоченные ими лица

обязаны принять их в собственность и заключить договоры социального найма этих жилых помещений с этими гражданами в порядке, установленном законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления соответствующих муниципальных образований.

Согласно ст. 11 названного выше Закона каждый гражданин имеет право на приобретение в собственность бесплатно, в порядке приватизации, жилого помещения в государственном и муниципальном жилищном фонде социального использования один раз.

В соответствии с п. 2 ст. 209 ГК РФ собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других граждан.

В силу п. 1 ст. 450 ГК РФ изменение и расторжение договора возможны по соглашению сторон, если иное не предусмотрено Кодексом, другими законами или договором.

Пунктом 2 ст. 453 ГК РФ установлено, что при расторжении договора обязательства сторон прекращаются, если иное не предусмотрено законом, договором или не вытекает из существа обязательства.

Из приведенных норм права следует, что граждане, воспользовавшиеся правом на расторжение договора приватизации по соглашению сторон и передавшие квартиру в муниципальную собственность, совершают действия по распоряжению жилым помещением по своему усмотрению, поэтому право на повторную приватизацию у них не возникает, а ранее возникшее обязательство прекращается.

Как было установлено судом, истец реализовала свое право на приватизацию жилого помещения, ввиду чего ей была передана в собственность бесплатно квартира № 1. Истец распорядилась принадлежащим ей на праве собственности имуществом — расторгла договор приватизации, передала квартиру в муниципальную собственность и вновь заключила на предоставленную ей квартиру с ответчиком договор социального найма, т.е. совершила действия по распоряжению жилым помещением по своему усмотрению.

Мотивы, которыми Р. руководствовалась, не влияют на сохранение за ней права на повторную приватизацию и не влекут для администрации муниципального образования обязанности заключить такой договор.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила принятые по делу судебные акты с направлением дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

**2. Повторное рассмотрение дела в суде
апелляционной инстанции не предполагает
изменение судом апелляционной инстанции
основания требования о взыскании долга
по кредитному договору на взыскание
неосновательного обогащения
и процентов по нему**

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 28 июня 2022 г. № 36-КГ22-1-К2*

(Извлечение)

Государственная корпорация “Агентство по страхованию вкладов” (далее — Агентство) как конкурсный управляющий ОАО “Акционерный коммерческий банк “Пробизнесбанк” (далее — Банк) обратилась в суд с иском к Б. о взыскании задолженности по кредитному договору.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении иска отказано.

Апелляционным определением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, по делу принято новое решение, которым исковые требования удовлетворены частично.

Определениями судебной коллегии по гражданским делам кассационного суда общей юрисдикции, вынесенными по результатам рассмотрения кассационных жалоб Агентства и Б., апелляционное определение оставлено без изменения.

Как установлено судом, решением арбитражного суда от 28 октября 2015 г. Банк признан несостоятельным (банкротом), в отношении него открыто конкурсное производство, функции конкурсного управляющего возложены на Агентство.

Обращаясь с названным выше иском, Агентство указало, что 29 октября 2007 г. между Банком и Б. (заемщик) заключен кредитный договор, по условиям которого ответчику предоставлены денежные средства в размере 149 975 руб. под 32% годовых на срок до 1 сентября 2010 г. После введения в отношении Банка процедуры банкротства, проведения инвентаризации имущества и кредитной документации было обнаружено, что оригиналы кредитного договора и графика платежей утеряны, однако в подтверждение заключения названной сделки и передачи ответчику денежных средств истец представил в суд выписку по счету, открытому 18 сентября 2007 г. на имя Б., за период с 29 октября 2007 г. по 31 декабря 2015 г.

21 сентября 2020 г. в адрес заемщика направлено требование о погашении задолженности по кредитному договору от 29 октября 2007 г., которое им не исполнено.

Отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции исходил из недоказанности факта заключения сторонами спора кредитного договора.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая новое решение, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о незаключенности кредитного договора, сославшись на отсутствие

доказательств согласования между Банком и Б. условий о процентной ставке за пользование кредитными средствами и мер ответственности за нарушение обязательств по договору, однако, признав установленным факт предоставления Банком ответчику денежных средств в размере 149 975 руб., руководствуясь ст. 1102, п. 3 ст. 1103, п. 2 ст. 1107 ГК РФ, взыскал с Б. в пользу Банка данную сумму в качестве неосновательного обогащения и проценты за пользование чужими денежными средствами в размере 142 624 руб.

Применяя нормы главы 60 ГК РФ, суд апелляционной инстанции отметил, что в случае ненадлежащего формулирования истцом способа защиты при очевидности преследуемого им материально-правового интереса суд обязан сам определить, из какого правоотношения возник спор и какие нормы права подлежат применению.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, рассмотрев 28 июня 2022 г. дело по кассационной жалобе Агентства, обжалуемые судебные постановления как принятые с существенными нарушениями норм процессуального права отменила по следующим основаниям.

Согласно ст. 12 ГПК РФ правосудие по гражданским делам осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, осуществляет руководство процессом, разъясняет лицам, участвующим в деле, их права и обязанности, предупреждает о последствиях совершения или несовершения процессуальных действий, оказывает лицам, участвующим в деле, содействие в реализации их прав, создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законодательства при рассмотрении и разрешении гражданских дел.

В силу положений, закрепленных в ст. 39 этого же Кодекса, предмет и основание иска определяют истец.

Согласно чч. 1, 3 ст. 196 ГПК РФ при принятии решения суд оценивает доказательства, определяет, какие обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения дела, установлены и какие обстоятельства не установлены, каковы правоотношения сторон, какой закон должен быть применен по данному делу и подлежит ли иск удовлетворению.

Суд принимает решение по заявленным истцом требованиям. Однако суд может выйти за пределы заявленных требований в случаях, предусмотренных федеральным законом.

Из разъяснений, данных в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 “О судебном решении”, следует, что выйти за пределы заявленных требований (разрешить требование, которое не заявлено, удовлетворить требование истца в большем размере,

чем оно было заявлено) суд имеет право лишь в случаях, прямо предусмотренных федеральными законами. Заявленные требования рассматриваются и разрешаются по основаниям, указанным истцом, а также по обстоятельствам, вынесенным судом на обсуждение в соответствии с ч. 2 ст. 56 ГПК РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 327 ГПК РФ суд апелляционной инстанции повторно рассматривает дело в судебном заседании по правилам производства в суде первой инстанции с учетом особенностей, предусмотренных главой 39 названного Кодекса.

Согласно разъяснениям, изложенным в пп. 37 и 43 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 16 “О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции”, судам необходимо учитывать, что по смыслу ст. 327 ГПК РФ повторное рассмотрение дела в суде апелляционной инстанции предполагает проверку и оценку фактических обстоятельств дела и их юридическую квалификацию в пределах доводов апелляционных жалобы, представления и в рамках тех требований, которые уже были предметом рассмотрения в суде первой инстанции.

Если судом первой инстанции неправильно определены обстоятельства, имеющие значение для дела (п. 1 ч. 1 ст. 330 ГПК РФ), то суду апелляционной инстанции следует поставить на обсуждение вопрос о представлении лицами, участвующими в деле, дополнительных (новых) доказательств и при необходимости по их ходатайству оказать им содействие в собирании и истребовании таких доказательств. Суду апелляционной инстанции также следует предложить лицам, участвующим в деле, представить дополнительные (новые) доказательства, если в суде первой инстанции не доказаны обстоятельства, имеющие значение для дела (п. 2 ч. 1 ст. 330 ГПК РФ), в том числе по причине неправильного распределения обязанности доказывания (ч. 2 ст. 56 ГПК РФ).

При этом в соответствии с абз. 2 ч. 1 ст. 327 ГПК РФ суд апелляционной инстанции принимает дополнительные (новые) доказательства, если признает причины невозможности представления таких доказательств в суд первой инстанции уважительными (п. 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 16).

Аналогичные разъяснения содержались в пп. 21, 29, 30 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 13 “О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции”, действовавшего на момент вынесения судом апелляционной инстанции судебного постановления.

Предметом иска по данному делу является взыскание кредитной задолженности. В иске Агентство ссылалось на ст.ст. 811 и 819 ГК РФ.

Обжалуя решение суда первой инстанции, Агентство также настаивало на неисполнении от-

ветчиком обязательств, вытекающих из кредитного договора.

Судом апелляционной инстанции истцу было предложено представить дополнительные доказательства наличия между сторонами спора договорных правоотношений, а именно: оригиналы или надлежащим образом заверенные копии кредитного досье в отношении Б., документы, подтверждающие заключение с ответчиком кредитного договора и устанавливающие указанные в иске размеры процентной ставки и неустойки, либо резервные копии данных, позволяющих идентифицировать Б. как заемщика, а также документы, подтверждающие заключение кредитного договора, получение кредитной карты.

После приобщения дополнительных доказательств суд апелляционной инстанции, несмотря на последовательную позицию истца по делу, сводящуюся к ненадлежащему исполнению ответчиком обязательств по кредитному договору, сославшись на недоказанность факта возникновения между Банком и Б. соответствующих договорных правоотношений, рассмотрел спор по нормам Гражданского кодекса РФ о неосновательном обогащении, на которые истец не ссылался и о взыскании неосновательного обогащения не просил.

Несмотря на обжалование Агентством апелляционного определения именно по основанию неправомерного изменения квалификации правоотношений сторон, кассационный суд общей юрисдикции оставил указанное нарушение без внимания.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение и определение судебной коллегии по гражданским делам кассационного суда общей юрисдикции и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Предусмотренные п. 10 ст. 176 НК РФ проценты за несвоевременный возврат суммы НДС подлежат начислению независимо от того, возвращается ли эта сумма на открытый налогоплательщиком банковский счет или направляется в счет уплаты предстоящих платежей по этому налогу

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 19 мая 2022 г. № 301-ЭС21-24319

(Извлечение)

Общество представило в налоговый орган декларацию по НДС за отчетный период, в которой заявило к возмещению сумму НДС, а также заявление о проведении зачета излишне уплаченного НДС в счет предстоящих платежей по этому налогу.

До окончания проведения камеральной проверки общество представило в налоговый орган

уточненную налоговую декларацию по НДС, после проверки которой налоговым органом приняты решения о привлечении общества к ответственности за совершение налогового правонарушения и об отказе в возмещении полностью суммы НДС, заявленной к возмещению.

Общество оспорило решения в арбитражный суд, который признал их незаконными.

16 июля 2019 г. общество обратилось в налоговый орган с заявлением о возмещении НДС путем возврата на указанный им банковский счет. 1 августа 2019 г. обществу был произведен возврат суммы НДС.

Полагая, что нарушены сроки для возврата НДС, общество обратилось в налоговый орган с заявлением о выплате процентов на основании п. 10 ст. 176 НК РФ, однако получило отказ.

Не согласившись с отказом, общество оспорило его в арбитражном суде и просило обязать налоговый орган начислить и выплатить проценты за несвоевременный возврат НДС.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленных требований отказано. Суды исходили из того, что поскольку общество первоначально просило налоговый орган произвести зачет суммы НДС, подлежащей возмещению, а затем направило заявление о возврате суммы подлежащего возмещению НДС, то при данных обстоятельствах срок возмещения налога не нарушен.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 19 мая 2022 г. отменила судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Установленный ст. 176 НК РФ порядок возмещения НДС предполагает, что: решение о возмещении принимается по окончании проверки представленной налогоплательщиком декларации — в течение семи дней (п. 2); сумма налога, подлежащая возмещению по решению налогового органа, возвращается по заявлению налогоплательщика на указанный им банковский счет, а при наличии письменного заявления налогоплательщика может быть направлена в счет уплаты предстоящих платежей по налогу или иным федеральным налогам (п. 6).

В силу п. 11¹ ст. 176 НК РФ в случае, если заявление о зачете суммы налога в счет уплаты предстоящих платежей по налогу или иным налогам (о возврате суммы налога на указанный банковский счет), подлежащей возмещению по решению налогового органа, не представлено налогоплательщиком до дня вынесения решения о возмещении суммы налога (полностью или частично), зачет (возврат) суммы налога осуществляется в порядке и сроки, которые предусмотрены ст. 78 НК РФ (положения пп. 7—11 ст. 78 НК РФ не применяются).

Как указано в п. 29 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 мая 2014 г. № 33 “О некоторых вопросах, возникающих у арбитражных судов при рассмотрении дел, связанных с взиманием налога на добавленную стоимость”, в случае, когда налоговым органом в

срок, установленный п. 2 ст. 176 НК РФ, решение о возмещении налога не принимается в связи с выявлением нарушений законодательства о налогах и сборах, однако впоследствии соответствующие выводы признаются ошибочными, в том числе судом, проценты также подлежат начислению в порядке, предусмотренном п. 10 ст. 176 НК РФ, т.е. начиная с 12-го дня после завершения камеральной налоговой проверки, по итогам которой должно было быть вынесено решение о возмещении (полном или частичном) суммы налога.

Таким образом, правила начисления процентов при возмещении НДС распространяются в том числе на ситуации, когда налоговым органом незаконно отказано в возмещении НДС, что повлекло за собой нарушение сроков возмещения. Для применения порядка возмещения налога, предусмотренного ст. 176 НК РФ, необходимо наличие у налогового органа на момент принятия решения заявления о зачете (возврате) налога, при этом способ возмещения (возврат или зачет налога) в этом случае значения не имеет.

Суды, отказывая в удовлетворении требований общества, не проверили правильность представленного им расчета процентов. Дело направлено на новое рассмотрение.

ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Подпункт “д” п. 34 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354, в части, предусматривающей обязанность потребителя коммунальных услуг направлять исполнителю коммунальных услуг копию свидетельства о поверке или иного документа, удостоверяющего результаты поверки прибора учета, осуществленной в соответствии с положениями законодательства Российской Федерации об обеспечении единства измерений, признан не действующим с 1 сентября 2022 г.

*Определение Апелляционной коллегии
Верховного Суда РФ
от 1 сентября 2022 г. № АПЛ22-283*

(Извлечение)

Правительство РФ постановлением от 6 мая 2011 г. № 354 утвердило Правила предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов (далее также — Правила).

Подпунктом “д” п. 34 раздела V “Права и обязанности потребителя” Правил (в ред. постановления Правительства РФ от 19 сентября 2013 г. № 824) предусмотрено, что потребитель обязан обеспечивать проведение проверок установленных за счет потребителя коллективных (общедомовых), индивидуальных, общих (квартирных), комнатных приборов учета в сроки, установленные технической документацией на прибор уче-

та, предварительно проинформировав исполнителя о планируемой дате снятия прибора учета для осуществления его поверки и дате установления прибора учета по итогам проведения его поверки, за исключением случаев, когда в договоре, содержащем положения о предоставлении коммунальных услуг, предусмотрена обязанность исполнителя осуществлять техническое обслуживание таких приборов учета, а также направлять исполнителю копию свидетельства о поверке или иного документа, удостоверяющего результаты поверки прибора учета, осуществленной в соответствии с положениями законодательства Российской Федерации об обеспечении единства измерений.

Гражданин М. обратился в Верховный Суд РФ с административным иском с заявлением о признании не действующим подп. “д” п. 34 Правил в части, предусматривающей обязанность потребителя коммунальных услуг представлять исполнителю коммунальных услуг для подтверждения факта поверки прибора учета копию свидетельства о поверке или иного документа, удостоверяющего результаты поверки прибора учета, осуществленной в соответствии с положениями законодательства Российской Федерации об обеспечении единства измерений.

В обоснование заявленного требования административный истец указал, что 24 сентября 2020 г. вступила в силу новая редакция ч. 4 ст. 13 Федерального закона от 26 июня 2008 г. № 102-ФЗ “Об обеспечении единства измерений” (далее — Закон об обеспечении единства измерений), которой изменен порядок подтверждения факта проведения поверки средств измерений (приборов учета) и предусмотрено, что результаты поверки средств измерений подтверждаются не свидетельством о поверке (или иными документами), а сведениями о результатах поверки средств измерений, включенными в Федеральный информационный фонд по обеспечению единства измерений, которые являются необходимым и достаточным доказательством проведения поверки прибора учета. По его мнению, требование исполнителя коммунальных услуг по представлению свидетельства о поверке прибора учета противоречит названной норме Федерального закона, допускает дискриминационные методы расчета объемов потребления коммунальных услуг, приводит к необходимости несения им дополнительных расходов и нарушает его имущественные права.

Решением Верховного Суда РФ от 11 мая 2022 г. в удовлетворении административного искового заявления М. было отказано.

В апелляционной жалобе административный истец, не согласившись с таким решением, просил его отменить и принять по делу новое решение об удовлетворении его требования.

Апелляционная коллегия Верховного Суда РФ 1 сентября 2022 г. апелляционную жалобу удовлетворила по следующим основаниям.

Как указано в п. 10 ч. 1 ст. 4, ч. 2 ст. 5 ЖК РФ, правоотношения по поводу предоставления коммунальных услуг регулируются жилищным зако-

нодательством, состоящим из Жилищного кодекса РФ, принятых в соответствии с ним других федеральных законов, а также изданных в соответствии с ними указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства РФ, нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, принятых законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, нормативных правовых актов органов местного самоуправления.

Согласно ст. 5 Федерального конституционного закона от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ “О Правительстве Российской Федерации” Правительство РФ на основании и во исполнение Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, указов, распоряжений и поручений Президента Российской Федерации издает постановления и распоряжения, а также обеспечивает их исполнение. Акты Правительства РФ, имеющие нормативный характер, издаются в форме постановлений Правительства РФ.

На день принятия оспариваемого в части нормативного правового акта аналогичные полномочия Правительства РФ были предусмотрены в ст. 23 ранее действовавшего Федерального конституционного закона от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ “О Правительстве Российской Федерации”.

Частью 1¹ ст. 157 ЖК РФ (введена Федеральным законом от 24 апреля 2020 г. № 128-ФЗ) закреплено, что Правительство РФ устанавливает правила предоставления, приостановки и ограничения предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, особенности предоставления отдельных видов коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, условия и порядок заключения соответствующих договоров.

Аналогичные полномочия Правительства РФ предусматривались ч. 1 ст. 157 ЖК РФ в редакции, действовавшей до 24 апреля 2020 г.

Правила регулируют отношения по предоставлению коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах, собственникам и пользователям жилых домов, в том числе отношения между исполнителями и потребителями коммунальных услуг, устанавливают их права и обязанности, порядок заключения договора, содержащего положения о предоставлении коммунальных услуг, а также порядок контроля качества предоставления коммунальных услуг, порядок определения размера платы за коммунальные услуги с использованием приборов учета и при их отсутствии, порядок перерасчета размера платы за отдельные виды коммунальных услуг в период временного отсутствия граждан в занимаемом жилом помещении, порядок изменения размера платы за коммунальные услуги при предоставлении коммунальных услуг ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность, определяют основания и порядок приос-

тановления или ограничения предоставления коммунальных услуг, а также регламентируют вопросы, связанные с наступлением ответственности исполнителей и потребителей коммунальных услуг (п. 1).

Частью 1 ст. 157 ЖК РФ предусмотрено, что размер платы за коммунальные услуги рассчитывается исходя из объема потребляемых коммунальных услуг, определяемого по показаниям приборов учета, а при их отсутствии исходя из нормативов потребления коммунальных услуг (в том числе нормативов накопления твердых коммунальных отходов), утверждаемых органами государственной власти субъектов Российской Федерации в порядке, установленном Правительством РФ.

В соответствии с чч. 1, 2 ст. 13 Федерального закона от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ “Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” производимые, передаваемые, потребляемые энергетические ресурсы подлежат обязательному учету с применением приборов учета используемых энергетических ресурсов. Расчеты за энергетические ресурсы должны осуществляться на основании данных о количественном значении энергетических ресурсов, произведенных, переданных, потребленных, определенных при помощи приборов учета используемых энергетических ресурсов. До установки приборов учета используемых энергетических ресурсов, а также при выходе из строя, утрате или по истечении срока эксплуатации приборов учета используемых энергетических ресурсов расчеты за энергетические ресурсы должны осуществляться с применением расчетных способов определения количества энергетических ресурсов, установленных в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Отношения, возникающие при выполнении измерений, установлении и соблюдении требований к измерениям, единицам величин, эталонам единиц величин, стандартным образцам, средствам измерений, применении стандартных образцов, средств измерений, методик (методов) измерений, а также при осуществлении деятельности по обеспечению единства измерений, предусмотренной законодательством Российской Федерации об обеспечении единства измерений, в том числе при выполнении работ и оказании услуг по обеспечению единства измерений, регулируются Законом об обеспечении единства измерений, который в п. 8 ч. 3 ст. 1 устанавливает, что сфера государственного регулирования обеспечения единства измерений распространяется в том числе на измерения, выполняемые при учете количества энергетических ресурсов.

Часть 4 ст. 13 Закона об обеспечении единства измерений (в ред. Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 254-ФЗ) предусматривала, что результаты поверки средств измерений удостоверяются знаком поверки, и (или) свидетельством о поверке, и (или) записью в паспор-

те (формуляре) средства измерений, заверяемой подписью поверителя и знаком поверки.

Приведенной норме в полной мере соответствовало предписание подп. “д” п. 34 Правил в части, предусматривающей обязанность потребителя по направлению исполнителю копии свидетельства о поверке или иного документа, удостоверяющего результаты поверки прибора учета, осуществленной в соответствии с положениями законодательства Российской Федерации об обеспечении единства измерений.

Между тем в настоящее время такого соответствия норме, имеющей большую юридическую силу, не имеется.

Распоряжением Правительства РФ от 25 декабря 2018 г. № 2935-р был утвержден план законопроектной деятельности Правительства РФ на 2019 год, в п. 36 которого предусматривалось внесение в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации законопроекта “О внесении изменений в Федеральный закон “Об обеспечении единства измерений” (в части установления приоритета электронной регистрации, оформления результатов в области единства измерений). В пояснительной записке к данному законопроекту указывалось, что он предусматривает внесение изменений в Закон об обеспечении единства измерений, направленных на установление приоритета электронной регистрации оформления результатов работ (услуг) в области обеспечения единства измерений; переход от бумажной к электронной регистрации сведений о результатах работ (услуг) в области обеспечения единства измерений в части утверждения типа средств измерений и поверки средств измерений и придание указанным сведениям юридической силы (сведения о результатах данных работ, содержащиеся в информационном фонде, однозначно подтверждают их результаты, и этих сведений достаточно для подтверждения данных результатов).

Федеральным законом от 27 декабря 2019 г. № 496-ФЗ в ряд статей Закона об обеспечении единства измерений внесены изменения, касающиеся утверждения типа средств измерений и поверки средств измерений. Так, в ч. 4 ст. 13 названного Закона в новой редакции закреплено, что результаты поверки средств измерений подтверждаются сведениями о результатах поверки средств измерений, включенными в Федеральный информационный фонд по обеспечению единства измерений. По заявлению владельца средства измерений или лица, представившего его на поверку, на средство измерений наносится знак поверки, и (или) выдается свидетельство о поверке средства измерений, и (или) в паспорт (формуляр) средства измерений вносится запись о проведенной поверке, заверяемая подписью поверителя и знаком поверки, с указанием даты поверки, или выдается извещение о непригодности к применению средства измерений.

Из содержания приведенной нормы Федерального закона ясно и определенно следует, что в настоящее время результаты поверки средств измерений подтверждаются сведения-

ми о результатах поверки средств измерений, включенными в Федеральный информационный фонд по обеспечению единства измерений, а не свидетельством о поверке средства измерений, которое перестало быть документом, подтверждающим факт проведения поверки, носит факультативный характер и выдается лишь по заявлению владельца средств измерений.

Частью 6 ст. 13 Закона об обеспечении единства измерений (в ред. Федерального закона от 27 декабря 2019 г. № 496-ФЗ) установлено, что сведения о результатах поверки средств измерений передаются в Федеральный информационный фонд по обеспечению единства измерений проводящими поверку средств измерений юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями в срок, установленный в порядке, предусмотренном ч. 5 данной статьи. Состав сведений о результатах поверки средств измерений и порядок включения указанных сведений в Федеральный информационный фонд по обеспечению единства измерений определяются в порядке, утверждаемом федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в области обеспечения единства измерений, в соответствии с ч. 3 ст. 20 этого Закона.

Приведенные выше изменения в ст. 13 Закона об обеспечении единства измерений вступили в силу 24 сентября 2020 г. Следовательно, с этой даты подп. “д” п. 34 Правил в оспариваемой части не соответствует ч. 4 ст. 13 Закона об обеспечении единства измерений, что в силу п. 1 ч. 2 ст. 215 КАС РФ является основанием для удовлетворения административного иска.

В силу разъяснений, данных в абз. 4 п. 38 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 50 “О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами”, нормативные правовые акты, которые в соответствии со ст. 125 Конституции Российской Федерации могут быть проверены в процедуре конституционного судопроизводства, признаются судом не действующими со дня вступления решения в законную силу.

Согласно п. “а” ч. 2 ст. 125 Конституции Российской Федерации нормативные акты Правительства РФ могут быть проверены в процедуре конституционного судопроизводства.

Принимая во внимание изложенное, Апелляционная коллегия Верховного Суда РФ признала не действующим с 1 сентября 2022 г. подп. “д” п. 34 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354, в части, предусматривающей обязанность потребителя коммунальных услуг направлять исполнителю коммунальных услуг копию свидетельства о поверке или иного

документа, удостоверяющего результаты поверки прибора учета, осуществленной в соответствии с положениями законодательства Российской Федерации об обеспечении единства измерений.

2. Пункт 41 Административного регламента предоставления Министерством юстиции Российской Федерации государственной услуги по принятию решения о государственной регистрации некоммерческих организаций, утвержденного приказом Минюста России от 30 декабря 2011 г. № 455, в той мере, в какой данный пункт позволяет распространить на перечень документов, представляемых для государственной регистрации общественной организации, требование о представлении всех документов (кроме документов, представляемых в электронной форме, и учредительных документов) на государственную регистрацию в двух экземплярах, один из которых должен быть подлинником, признан не действующим со дня вступления решения суда в законную силу

*Решение Верховного Суда РФ
от 23 мая 2022 г. № АКПИ22-212,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 1 сентября 2022 г. № АПЛ22-296*

(Извлечение)

Приказом Минюста России от 30 декабря 2011 г. № 455 утвержден Административный регламент предоставления Министерством юстиции Российской Федерации государственной услуги по принятию решения о государственной регистрации некоммерческих организаций (далее — Административный регламент).

Согласно п. 41 Административного регламента все документы, кроме документов, представляемых в электронной форме, и учредительных документов некоммерческой организации, представляются на государственную регистрацию в двух экземплярах, один из которых должен быть подлинником.

Документы политической партии (ее региональных отделений) представляются на государственную регистрацию в количестве экземпляров, предусмотренном п. 1 ст. 16 и п. 1 ст. 18 Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ “О политических партиях” соответственно.

Учредительные документы некоммерческой организации представляются в трех подлинных экземплярах, за исключением документов, представляемых в электронной форме.

Два экземпляра учредительных документов, представляемых на государственную регистрацию, должны быть прошиты и заверены подписью заявителя или нотариуса.

Листы всех экземпляров учредительных документов, представляемых на государственную регистрацию, должны быть пронумерованы. Документы, содержащие более одного листа, должны быть прошиты, пронумерованы и заверены подписью заявителя на обороте последнего листа на месте прошивки.

Пункт 48 Административного регламента предусматривает исчерпывающий перечень оснований для приостановления государственной регистрации некоммерческой организации (за исключением общественного объединения и религиозной организации): в случае если представленные для государственной регистрации документы оформлены в ненадлежащем порядке, государственная регистрация некоммерческой организации может быть приостановлена однократно на срок, не превышающий трех месяцев.

В случае если представленные для государственной регистрации документы оформлены в ненадлежащем порядке, государственная регистрация некоммерческой организации, за исключением общественного объединения и религиозной организации, может быть приостановлена однократно на срок, не превышающий трех месяцев (п. 75 Административного регламента).

Красноярская региональная общественная организация по реализации гражданских прав в области общественного контроля “Отечество” (далее также — Организация) обратилась в Верховный Суд РФ с административным иском заявлением, в котором просила признать недействующими пп. 41, 48 и 75 Административного регламента в части распространения на перечень документов, представляемых для государственной регистрации общественной организации, требования о представлении всех документов на государственную регистрацию в двух экземплярах, одним из которых должен быть подлинник; а также в части нераспространения на общественное объединение как одну из форм некоммерческих организаций перечня оснований для приостановления государственной регистрации некоммерческой организации и условия, согласно которому, если представленные для государственной регистрации документы оформлены в надлежащем порядке, государственная регистрация некоммерческой организации может быть приостановлена однократно на срок, не превышающий трех месяцев.

По мнению административного истца, оспариваемые положения Административного регламента не соответствуют общеправовому принципу формальной определенности, вытекающему из принципа равенства всех перед законом, порождают неоднозначное толкование и произвольное его применение; противоречат подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ “Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг”, п. 4 ст. 9 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ “О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей”, п. 5¹ ст. 13¹, п. 1¹ ст. 23¹ Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ “О некоммерческих организациях”, п. 1 ч. 6 ст. 21 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ “Об общественных объединениях”; нарушают права Организации на приостановление регистрационных действий в целях устранения недостатков.

Верховный Суд РФ 23 мая 2022 г. административное исковое заявление удовлетворил в части, указав следующее.

Отношения, возникающие в связи с государственной регистрацией юридических лиц при их создании, реорганизации и ликвидации, при внесении изменений в их учредительные документы, а также в связи с ведением государственных реестров — единого государственного реестра юридических лиц и единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей, регулируются Федеральным законом “О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей”, в п. 1 ст. 10 которого предусмотрено, что федеральными законами может устанавливаться специальный порядок регистрации отдельных видов юридических лиц.

В силу ст. 13¹ Федерального закона “О некоммерческих организациях” некоммерческая организация подлежит государственной регистрации в соответствии с Федеральным законом “О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей” с учетом установленного этим Законом порядка государственной регистрации некоммерческих организаций (п. 1). Решение о государственной регистрации (об отказе в государственной регистрации) некоммерческой организации принимается федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в сфере регистрации некоммерческих организаций (далее — уполномоченный орган), или его территориальным органом (п. 2). Внесение в единый государственный реестр юридических лиц сведений о создании, реорганизации и ликвидации некоммерческих организаций, а также иных предусмотренных федеральными законами сведений осуществляется уполномоченным в соответствии со ст. 2 Федерального закона “О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей” федеральным органом исполнительной власти на основании принимаемого уполномоченным органом или его территориальным органом решения о государственной регистрации. Формы документов, необходимых для соответствующей государственной регистрации, определяются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти (п. 3).

Пунктом 7 ст. 32 Федерального закона “О некоммерческих организациях” установлено, что перечень и формы документов, которые необходимы для внесения изменений в сведения, указанные в п. 1 ст. 5 Федерального закона “О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей”, за исключением сведений о полученных лицензиях, определяются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти.

В силу подп. 30.7 п. 7 Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1313, таким органом является Минюст России.

Согласно ч. 1 ст. 12 Федерального закона “Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг” предоставление государственных и муниципальных услуг осуществляется в соответствии с административными регламентами.

Правилами разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг, утвержденными постановлением Правительства РФ от 16 мая 2011 г. № 373 (действовавшими на момент принятия Административного регламента), в п. 2 закреплено, что регламент разрабатывается и утверждается органом, предоставляющим государственные услуги, если иное не установлено федеральными законами.

Административный регламент утвержден уполномоченным федеральным органом исполнительной власти. Порядок принятия нормативного правового акта, а также требования к его государственной регистрации и опубликованию соблюдены и не оспариваются административным истцом. Данные обстоятельства ранее установлены вступившими в законную силу решениями Верховного Суда РФ от 8 апреля 2014 г. № АКПИ14-148 и от 30 сентября 2019 г. № АКПИ19-588.

Административный регламент в соответствии с п. 1 устанавливает стандарт и порядок предоставления центральным аппаратом Минюста России и его территориальными органами государственной услуги по принятию решения о государственной регистрации некоммерческих организаций при их создании, реорганизации, ликвидации, внесении в их учредительные документы изменений, принятии решения о внесении в Единый государственный реестр юридических лиц сведений (изменений в сведения) о некоммерческих организациях.

В силу норм Федерального закона “О некоммерческих организациях” данный Закон применяется по отношению ко всем некоммерческим организациям, созданным или создаваемым на территории Российской Федерации, поскольку иное не установлено названным Законом и иными федеральными законами (п. 2 ст. 1); некоммерческие организации могут создаваться в форме общественных или религиозных организаций (объединений) (п. 3 ст. 2); особенности правового положения общественных организаций (объединений) определяются иными федеральными законами (п. 3 ст. 6).

Общественные отношения, возникающие в связи с реализацией гражданами права на объединение, созданием, деятельностью, реорганизацией и (или) ликвидацией общественных объединений, регулируются Федеральным законом “Об общественных объединениях”.

Некоммерческая организация, а также общественное объединение в целях приобретения прав юридического лица подлежат государственной регистрации в соответствии с Федеральным законом “О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей” с учетом установленного Федераль-

ным законом “О некоммерческих организациях” (п. 1 ст. 13¹) и Федеральным законом “Об общественных объединениях” (ч. 1 ст. 21) порядка государственной регистрации некоммерческих и общественных объединений.

В соответствии с п. 1 ст. 10 Федерального закона “О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей” федеральными законами может устанавливаться специальный порядок регистрации отдельных видов юридических лиц.

Перечень документов, представляемых для государственной регистрации, и требования к их оформлению установлены специальными законами: Федеральным законом “О некоммерческих организациях” (п. 5 ст. 13¹) и Федеральным законом “Об общественных объединениях” (ч. 6 ст. 21). При этом согласно п. 5¹ ст. 13¹ Федерального закона “О некоммерческих организациях” федеральный уполномоченный орган или его территориальный орган не вправе требовать представления других документов, кроме документов, указанных в п. 5 ст. 13¹ этого Закона.

Федеральный закон “Об общественных объединениях” является специальным по отношению к Федеральному закону “О некоммерческих организациях”, а положения последнего применяются в отношении общественных организаций только в той части, которая не урегулирована Федеральным законом “Об общественных объединениях”.

Так, согласно п. 7 ст. 32 Федерального закона “О некоммерческих организациях” некоммерческие организации обязаны информировать уполномоченный орган об изменении сведений, указанных в п. 1 ст. 5 Федерального закона “О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей”, за исключением сведений о полученных лицензиях, в течение трех дней со дня наступления таких изменений и представлять соответствующие документы для принятия решения об их направлении в регистрирующий орган. Решение о направлении соответствующих документов в регистрирующий орган принимается в том же порядке и в те же сроки, что и решение о государственной регистрации.

При этом перечень и формы документов, которые необходимы для внесения таких изменений, определяются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти.

Во исполнение указанных норм закона п. 1 приказа Минюста России от 12 ноября 2020 г. № 278 “Об определении форм документов, представляемых в Министерство юстиции Российской Федерации и его территориальные органы для государственной регистрации некоммерческих организаций” установлено, что для государственной регистрации некоммерческих организаций, принятие решений о государственной регистрации которых отнесено к компетенции Минюста России и его территориальных органов, используются формы документов, представляемых в регистрирующий орган при государственной регистрации юридических лиц, ут-

вержденные приказом ФНС России от 31 августа 2020 г. № ЕД-7-14/617@ “Об утверждении форм и требований к оформлению документов, представляемых в регистрирующий орган при государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств”.

В данном исчерпывающем перечне документов, необходимых для государственной регистрации некоммерческой организации и общественного объединения, перечислены документы, которые должны представляться в подлиннике, и требуемое количество экземпляров документов.

Согласно абз. 2 п. 8 ст. 13¹ Федерального закона “О некоммерческих организациях” взаимодействие Минюста России или его территориального органа с регистрирующим органом по вопросам государственной регистрации некоммерческой организации осуществляется в порядке, установленном уполномоченным органом по согласованию с регистрирующим органом.

Порядок взаимодействия Министерства юстиции Российской Федерации с Федеральной налоговой службой по вопросам государственной регистрации некоммерческих организаций утвержден приказом Минюста России от 12 ноября 2010 г. № 343 (далее — Порядок взаимодействия).

Пунктом 4 Порядка взаимодействия предусмотрено, что внесение сведений в государственный реестр осуществляется налоговыми органами по месту нахождения некоммерческих организаций (если иное не установлено Порядком взаимодействия) на основании распоряжений Минюста России (территориальных органов Минюста России), а также документов, предусмотренных ст.ст. 12, 13¹, 14, 17, 20, 21 Федерального закона “О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей”, или решений судов. Минюст России (территориальные органы Минюста России) направляет в налоговые органы с сопроводительным письмом заверенную в установленном порядке копию распоряжения, а также один экземпляр документов, предусмотренных Федеральным законом “О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей” (подлинники), или заверенную в установленном порядке копию решения суда. Документ об уплате государственной пошлины остается в Минюсте России (территориальном органе Минюста России). Копия документа об уплате государственной пошлины в налоговый орган не направляется.

Вместе с тем норма, содержащаяся в абз. 1 п. 41 Административного регламента, по ее буквальному смыслу требует для государственной регистрации любых некоммерческих организаций, включая общественные организации, представления подлинного экземпляра каждого документа и его копии, что не соответствует положениям ст. 13¹ Федерального закона “О неком-

мерческих организациях” и ст. 21 Федерального закона “Об общественных объединениях”.

Доводы представителя Минюста России о том, что требование о представлении документов в двух экземплярах основано на установленной федеральным законом обязанности направить в регистрирующий орган весь комплект документов, поданных в федеральный уполномоченный орган, для включения в единый государственный реестр юридических лиц, подлежат отклонению ввиду их несостоятельности.

Статья 5 Федерального закона “О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей”, определяющая содержание государственных реестров, не включает в содержание единого государственного реестра юридических лиц в полном объеме всех документов, на основании которых федеральным уполномоченным органом принято решение о государственной регистрации некоммерческой организации, включая общественную организацию.

Согласно указанной статье записи вносятся в государственные реестры на основании документов, представленных при государственной регистрации (п. 4 ст. 5); документы, предусмотренные названным Законом и представленные в регистрирующий орган при государственной регистрации, являются частью соответственно единого государственного реестра юридических лиц и единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей (п. 6 ст. 5).

Федеральный законодатель, определив особый порядок государственной регистрации некоммерческой организации (общественной организации), предусматривающий участие двух органов государственной власти — федерального уполномоченного органа и регистрирующего органа, не установил обязанность таких организаций представлять для каждого из этих органов государственной власти документы, необходимые для осуществления государственной регистрации.

Согласно пп. 4, 8 ст. 13¹ Федерального закона “О некоммерческих организациях”, чч. 12 и 13 ст. 21 Федерального закона “Об общественных объединениях” документы, необходимые для государственной регистрации некоммерческой организации (общественной организации), представляются в федеральный уполномоченный орган или его территориальный орган, который при установлении их соответствия требованиям названных Федеральных законов принимает решение об их государственной регистрации и направляет в регистрирующий орган сведения и документы, необходимые для осуществления данным органом функций по ведению единого государственного реестра юридических лиц.

Из приведенных законоположений во взаимосвязи с пп. 5, 5¹ ст. 13¹ Федерального закона “О некоммерческих организациях”, ч. 6 ст. 21 Федерального закона “Об общественных объединениях” следует, что федеральный уполномоченный орган или его территориальный орган

направляет в регистрирующий орган лишь те документы, которые входят в состав документов, поданных некоммерческой организацией (общественной организацией) в соответствии с утвержденным перечнем, и необходимы для ведения единого государственного реестра юридических лиц. При этом из буквального содержания указанных норм не следует обязанность некоммерческой организации (общественной организации) представлять два экземпляра документов (подлинник или заверенную копию) в уполномоченный и регистрирующий органы.

Таким образом, абз. 1 п. 41 Административного регламента в системе действующего правового регулирования не соответствует общеправовому критерию правовой определенности и вытекающим из него требованиям ясности, недвусмысленности и согласованности правовых норм, так как его содержание не обеспечивает однозначное понимание и толкование нормы, приводит к возможности ее произвольного применения, что создает угрозу нарушения права граждан Российской Федерации на создание общественных объединений.

Верховный Суд РФ признал не действующим со дня вступления решения суда в законную силу п. 41 Административного регламента предоставления Министерством юстиции Российской Федерации государственной услуги по принятию решения о государственной регистрации некоммерческих организаций, утвержденного приказом Минюста России от 30 декабря 2011 г. № 455, в той мере, в какой данный пункт позволяет распространить на перечень документов, представляемых для государственной регистрации общественной организации, требование о представлении всех документов (кроме документов, представляемых в электронной форме, и учредительных документов) на государственную регистрацию в двух экземплярах, один из которых должен быть подлинником. В остальной части в удовлетворении требований отказано.

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Если ограничение свободы назначается в качестве дополнительного наказания за несколько или хотя бы за одно из преступлений, образующих совокупность, срок ограничения свободы необходимо указывать за каждое из таких преступлений, а соответствующие ограничения и обязанность — после назначения окончательного наказания

Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 23 марта 2022 г. № 5-П22ПР

(Извлечение)

По приговору Александровского районного суда Оренбургской области от 27 октября 2020 г. Б., ранее судимый, осужден к лишению свободы: по ч. 1 ст. 132 УК РФ на три года шесть месяцев, по п. “б” ч. 2 ст. 131 УК РФ на пять лет шесть месяцев с ограничением свободы на один год. В со-

ответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний Б. назначено семь лет лишения свободы в исправительной колонии строгого режима с дополнительным наказанием в виде ограничения свободы на срок один год.

На основании ч. 1 ст. 53 УК РФ Б. установлены следующие ограничения свободы: не уходить из места постоянного проживания (пребывания) в период с 22 до 6 часов; не выезжать за пределы территории муниципального образования, в котором осужденный будет проживать после отбытия основного наказания; не изменять место жительства или пребывания без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы; на Б. также возложена обязанность являться 2 раза в месяц для регистрации в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Оренбургского областного суда от 16 декабря 2020 г. приговор в отношении Б. оставлен без изменения.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 4 мая 2021 г. приговор и апелляционное определение изменены, исключено указание на назначение осужденному по п. “б” ч. 2 ст. 131 УК РФ и на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ дополнительного наказания в виде ограничения свободы на один год.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19 октября 2021 г. приговор и последующие судебные решения в отношении Б. оставлены без изменения.

Заместитель Генерального прокурора РФ в надзорном представлении ставил вопрос об отмене определений кассационного суда общей юрисдикции и Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ в связи с необоснованным исключением из приговора назначенного Б. дополнительного наказания в виде ограничения свободы.

Президиум Верховного Суда РФ 23 марта 2022 г. надзорное представление удовлетворил, указав следующее.

Судебная коллегия по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции исключила из приговора в отношении Б. указание о назначении ему дополнительного наказания в виде ограничения свободы как за преступление, предусмотренное п. “б” ч. 2 ст. 131 УК РФ, так и по совокупности преступлений в порядке ч. 3 ст. 69 УК РФ как неназначенное, со ссылкой на то, что конкретные ограничения и обязанность не были указаны в приговоре при назначении наказания по п. “б” ч. 2 ст. 131 УК РФ.

С выводами суда кассационной инстанции согласилась Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ.

Вместе с тем принятые решения не соответствуют требованиям уголовного и уголовно-про-

цессуального законов, относящимся к принятию решения о назначении наказания в виде ограничения свободы.

По смыслу уголовного закона ограничение свободы заключается в установлении судом осужденному предусмотренных ч. 1 ст. 53 УК РФ ограничений и возложении на него обязанности по явке в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденными данного наказания.

Из содержания ч. 1 ст. 308 УПК РФ, определяющей порядок изложения резолютивной части обвинительного приговора, следует, что сначала указываются вид и размер наказания, назначенного подсудимому за каждое преступление, затем окончательная мера наказания, подлежащая отбыванию на основании ст.ст. 69—72 УК РФ, после чего ограничения, которые устанавливаются для осужденного к наказанию в виде ограничения свободы.

Исходя из разъяснений о порядке применения указанных норм закона, приведенных в п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 “О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания”, при назначении ограничения свободы в качестве дополнительного наказания за каждое или некоторые из преступлений, образующих совокупность, срок ограничения свободы необходимо указывать за каждое из таких преступлений, а соответствующие ограничения и обязанность — после назначения окончательного наказания.

Аналогичные разъяснения содержатся в п. 34 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 “О судебном приговоре”.

Таким образом, если ограничение свободы назначается в качестве дополнительного наказания за несколько или хотя бы за одно из преступлений, образующих совокупность, срок ограничения свободы необходимо указывать за каждое из таких преступлений, а соответствующие ограничения и обязанность — после назначения окончательного наказания.

Как усматривается из приговора, назначенное Б. дополнительное наказание в виде ограничения свободы по своему размеру соответствует санкции п. “б” ч. 2 ст. 131 УК РФ.

С учетом требований ст. 53 УК РФ, ч. 1 ст. 308 УПК РФ и разъяснений, содержащихся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ “О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания” и “О судебном приговоре”, суд первой инстанции в резолютивной части приговора первоначально указал вид и размер наказания за каждое преступление, в совершении которых Б. признан виновным, затем назначенное осужденному окончательное наказание по правилам ч. 3 ст. 69 УК РФ, после чего привел установленные осужденному к наказанию в виде ограничения свободы конкретные ограничения и возложенную на него обязанность.

Таким образом, при принятии решения об исключении из приговора дополнительного наказания в виде ограничения свободы не были уч-

тены указанные требования закона и разъяснения, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ.

С учетом изложенного Президиум Верховного Суда РФ отменил определение судебной коллегии по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 4 мая 2021 г. и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19 октября 2021 г. в отношении Б., уголовное дело передал на новое кассационное рассмотрение¹.

ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

При назначении наказания в виде исправительных работ суд должен установить размер удержаний из заработной платы осужденного в доход государства

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 28 апреля 2022 г. № 222-УД22-13-А6

(Извлечение)

По приговору 2-го Западного окружного военного суда от 15 апреля 2021 г., оставленному без изменения апелляционным определением Апелляционного военного суда от 8 сентября 2021 г., В. осужден в том числе по ст. 319 УК РФ к исправительным работам на срок шесть месяцев за оскорбление представителя власти.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе осужденного, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ 28 апреля 2022 г. приговор и апелляционное определение изменила, исключила указание о назначении В. наказания по ст. 319 УК РФ и назначила наказание по совокупности других совершенных им преступлений без учета указанной статьи Уголовного кодекса РФ по следующим основаниям.

В соответствии с положениями ст. 50 УК РФ исправительные работы устанавливаются на срок от двух месяцев до двух лет и отбываются по месту работы осужденного или в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями. Из заработной платы осужденного к исправительным работам производится удержание в доход государства в размере, установленном приговором суда, в пределах от пяти до двадцати процентов.

По данному делу В., осужденному по ст. 319 УК РФ, назначено наказание в виде исправительных работ сроком на шесть месяцев.

Однако в нарушение требований уголовного закона судом не установлен размер удержаний из заработной платы осужденного в доход государства, т.е. наказание в виде исправительных работ судом фактически не назначено.

¹Определением судебной коллегии по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 23 июня 2022 г. приговор и апелляционное определение оставлены без изменения.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

КАССАЦИОННЫХ И АПЕЛЛЯЦИОННЫХ СУДОВ

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. Гражданский иск прокурора о взыскании с осужденного денежных средств в возмещение расходов страховой медицинской организации на оплату оказанной медицинской помощи потерпевшему не подлежит рассмотрению в рамках судебного разбирательства по уголовному делу, поскольку по смыслу ч. 1 ст. 44 УПК РФ регрессные иски в интересах страховых организаций предъявляются и разрешаются в порядке гражданского судопроизводства

*Определение судебной коллегии
по уголовным делам*

*Третьего кассационного суда общей юрисдикции
от 22 июля 2021 г.*

(Извлечение)

По приговору Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 17 февраля 2020 г. М. осужден по п. “г” ч. 2 ст. 161 УК РФ.

По гражданскому иску прокурора с М. в пользу территориального фонда обязательного медицинского страхования Республики Коми в счет возмещения затрат на лечение потерпевшего Б. взысканы денежные средства в размере 66 955 руб.

Апелляционным определением Верховного суда Республики Коми от 2 июня 2020 г. приговор в части решения по гражданскому иску отменен, иск прокурора удовлетворен частично: с М. в пользу территориального фонда обязательного медицинского страхования Республики Коми взысканы денежные средства в размере 3933 руб., в остальной части иск оставлен без удовлетворения.

В кассационном представлении первый заместитель прокурора Республики Коми просил отменить судебные решения в части удовлетворения гражданского иска прокурора, уголовное дело в этой части направить на новое судебное рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства, поскольку указанный иск был предъявлен с нарушением требований закона.

Судебная коллегия по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции 22 июля 2021 г. кассационное представление удовлетворила частично ввиду следующего.

Порядок возмещения расходов на оплату оказанной медицинской помощи застрахованному лицу вследствие причинения вреда его здоровью регулируется Федеральным законом от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ “Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации”.

Согласно положениям ч. 5 ст. 31 указанного Закона иск о возмещении расходов на оплату оказанной медицинской помощи застрахованному лицу вследствие причинения вреда его здоровью и связанных с ними расходов страховой медицинской организации предъявляется в порядке гражданского судопроизводства.

Из материалов дела усматривалось, что иск предъявлен прокурором в интересах страховой ме-

дицинской организации в уголовном деле, страховые медицинские организации не были привлечены к участию в данном процессе.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23 “О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу”, по смыслу ч. 1 ст. 44 УПК РФ регрессные иски (о возмещении расходов страховым организациям и другие) подлежат разрешению в порядке гражданского судопроизводства. В этой части гражданский иск по уголовному делу суд оставляет без рассмотрения с указанием в постановлении (определении) или обвинительном приговоре мотивов принятого решения.

При рассмотрении дела в апелляционном порядке суд апелляционной инстанции указанным обстоятельством надлежающей правовой оценки не дал.

Данные нарушения уголовно-процессуального закона являлись существенными, повлиявшими на исход дела.

При таких обстоятельствах судебная коллегия по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции отменила приговор и апелляционное определение в отношении М. в части гражданского иска прокурора в интересах территориального фонда обязательного медицинского страхования Республики Коми о возмещении расходов на оказание медицинской помощи потерпевшему и взыскания с М. в счет возмещения затрат на лечение потерпевшего Б. в размере 3933 руб. (с учетом изменений, внесенных судом апелляционной инстанции); гражданский иск прокурора оставила без рассмотрения.

2. В случае заявления подсудимым в ходе судебного заседания о своем несогласии с размером вреда, причиненного тайным хищением чужого имущества, и о необходимости проведения оценочной экспертизы стоимости похищенного имущества обвинительный приговор не может быть постановлен в порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ

*Определение судебной коллегии
по уголовным делам*

*Второго кассационного суда общей юрисдикции
от 19 ноября 2020 г.*

(Извлечение)

По приговору Свердловского районного суда г. Костромы от 16 июня 2020 г. И. осужден по п. “в” ч. 3 ст. 158 УК РФ к трем годам лишения свободы.

Приговор постановлен в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ.

И. признан виновным в тайном хищении чужого имущества, совершенном группой лиц по предварительному сговору, с незаконным проникновением в помещение, с причинением крупного ущерба потерпевшему.

В кассационной жалобе осужденный выражал свое несогласие с приговором как незаконным, оспаривал размер причиненного преступлением

ущерба, а также указание на квалифицирующий признак совершения кражи в крупном размере, полагая, что его действия подлежали квалификации по ч. 2 ст. 158 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции 19 ноября 2020 г. отменила приговор в отношении И. и передала дело на новое судебное рассмотрение, указав следующее.

В соответствии с ч. 4 ст. 316 УПК РФ судья опрашивает подсудимого, понятно ли ему обвинение, согласен ли он с обвинением и поддерживает ли свое ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства, заявлено ли это ходатайство добровольно и после консультации с защитником, осознает ли он последствия постановления приговора без проведения судебного разбирательства.

По смыслу п. 22 ст. 5, пп. 4, 5 ч. 2 ст. 171 и ч. 1 ст. 220 УПК РФ, исходя из разъяснений, содержащихся в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел»¹, применительно к особому порядку судебного разбирательства под обвинением, с которым соглашается обвиняемый, заявляя ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке, следует понимать фактические обстоятельства содеянного обвиняемым, форму вины, мотивы совершения деяния, юридическую оценку содеянного, а также характер и размер вреда, причиненного деянием обвиняемого.

Если впоследствии в ходе судебного заседания будет установлено, что все условия соблюдены, суд

продолжает рассмотрение уголовного дела в особом порядке. В случае, когда по делу какие-либо условия, необходимые для постановления приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке, отсутствуют, суд в соответствии с ч. 3 ст. 314 и ч. 6 ст. 316 УПК РФ принимает решение о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначении рассмотрения уголовного дела в общем порядке (п. 3 указанного постановления Пленума).

Таким образом, согласно требованиям уголовно-процессуального закона суд может постановить приговор без проведения судебного разбирательства в общем порядке только при выполнении требований, предусмотренных ч. 4 ст. 316 УПК РФ, и установлении наличия необходимых для этого условий.

Из протокола судебного заседания усматривалось, что в прениях сторон подсудимый сообщил о несогласии с размером ущерба, причиненного в результате хищения, и о необходимости проведения оценочной экспертизы, ссылаясь на то, что похищенные им ноутбуки ранее были в употреблении, у них отсутствовали блоки питания.

Несмотря на это, суд первой инстанции в нарушение требований ч. 6 ст. 316 УПК РФ не разрешил вопрос о прекращении особого порядка судебного разбирательства и о назначении рассмотрения уголовного дела в общем порядке.

Указанное нарушение уголовно-процессуального закона являлось существенным, повлиявшим на исход дела, в связи с чем приговор в отношении И. отменен, а уголовное дело передано на новое судебное рассмотрение².

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ № 3 (2022)

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1. Правила назначения наказания, установленные ч. 1 ст. 62 УК РФ, применяются в отношении женщин и в тех случаях, когда санкция статьи Особенной части УК РФ предусматривает пожизненное лишение свободы, поскольку данный вид наказания не может быть назначен женщинам согласно положениям ч. 2 ст. 57 УК РФ.

По приговору Новосибирского областного суда от 1 июля 2010 г. Б. осуждена к лишению свободы: по пп. “а”, “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ сроком на пятнадцать лет, по п. “в” ч. 2 ст. 158 УК РФ сроком на один год шесть месяцев, по п. “в” ч. 2 ст. 158 УК РФ сроком на один год шесть месяцев, на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений сроком на семнадцать лет с отбыванием в исправительной колонии общего режима.

Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26 октября 2010 г. приговор оставлен без изменения.

Постановлением Октябрьского районного суда г. Новосибирска от 12 августа 2011 г., вынесенным в порядке ст.ст. 397, 399 УПК РФ, действия Б. по 2 эпизодам краж квалифицированы каждое по п. “в” ч. 2 ст. 158 УК РФ (в ред. Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ) и за каждое преступление назначено наказание в виде лишения свободы на срок один год пять месяцев. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений Б. окончательно назначено наказание шестнадцать лет десять месяцев лишения свободы.

Постановлением Октябрьского районного суда г. Новосибирска от 4 октября 2016 г., вынесенным в порядке ст.ст. 397, 399 УПК РФ, действия Б. по эпизоду хищения имущества К. квалифицированы по ч. 1 ст. 158 УК РФ, по которой назначено наказание в виде обязательных работ на срок 120 часов. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных пп. “а”, “в” ч. 2 ст. 105, п. “в” ч. 2 ст. 158 УК

¹В редакции, действовавшей на момент рассмотрения дела судом кассационной инстанции.

²По приговору Свердловского районного суда г. Кострома от 24 мая 2021 г. И. осужден по п. “в” ч. 3 ст. 158 УК РФ к трем годам лишения свободы. Уголовное дело рассмотрено в общем порядке судопроизводства.

РФ (в ред. Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ), ч. 1 ст. 158 УК РФ, Б. назначено окончательное наказание в виде шестнадцати лет десяти дней лишения свободы.

В надзорной жалобе осужденная просила изменить судебные решения, смягчить наказание, указывая, что наказание по пп. “а”, “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ назначено без учета положений ст. 62 УК РФ, несмотря на наличие установленного судом смягчающего наказание обстоятельства — явки с повинной.

Президиум Верховного Суда РФ 16 марта 2022 г., рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденной, изменил судебные решения по следующим основаниям.

Согласно ч. 1 ст. 62 УК РФ (в ред. Федерального закона от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ) при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пп. “и” и (или) “к” ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Кодекса.

Указанная норма уголовного закона подлежала применению по данному делу при назначении наказания Б., поскольку по смыслу закона правила ч. 3 ст. 62 УК РФ о неприменении положений ч. 1 ст. 62 УК РФ не распространяются на лиц, которым в силу закона не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь.

Суд признал в качестве обстоятельства, смягчающего наказание Б., явку с повинной, т.е. обстоятельство, предусмотренное п. “и” ч. 1 ст. 61 УК РФ.

Обстоятельств, отягчающих наказание осужденной, судом не установлено.

Наказание, назначенное Б. по пп. “а”, “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ, превышает пределы, установленные ч. 1 ст. 62 УК РФ (в ред. Федерального закона от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ), в соответствии с которым оно не могло быть более тринадцати лет четырех месяцев лишения свободы.

С учетом изложенного Президиум Верховного Суда РФ изменил приговор, кассационное определение, а также постановления от 12 августа 2011 г. и от 4 октября 2016 г. и смягчил наказание по пп. “а”, “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ до тринадцати лет лишения свободы, на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных пп. “а”, “в” ч. 2 ст. 105, ч. 1 ст. 158, п. “в” ч. 2 ст. 158 УК РФ (в ред. Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ), назначил окончательное наказание в виде лишения свободы сроком на четырнадцать лет с отбыванием в исправительной колонии общего режима.

Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 7-П22

2. Пересмотр в кассационном порядке постановления суда о возмещении реабилитированному имущественного вреда по основаниям, влекущим ухудшение положения реабилитированного, допускается в срок, не превышающий одного года со дня вступления его в законную силу.

Постановлением дознавателя отдела дознания Находкинского линейного отдела МВД России на транспорте от 24 января 2014 г. в отношении А. возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 327 УК РФ.

Постановлением старшего следователя следственного отделения Находкинского линейного отдела МВД России на транспорте от 22 декабря 2016 г. уголовное дело в отношении А. прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием в деянии состава преступления. В соответствии со ст. 134 УПК РФ за А. признано право на реабилитацию.

Постановлением судьи Находкинского городского суда Приморского края от 5 октября 2018 г. удовлетворено заявление А. и его представителя Б. о возмещении имущественного вреда, причиненного в результате незаконных действий органов предварительного следствия и необоснованного уголовного преследования. Постановлено взыскать с Минфина России в лице Управления Федерального казначейства по Приморскому краю за счет казны Российской Федерации в пользу А. 1 203 140 руб. в возмещение имущественного вреда, связанного с уголовным преследованием, 92 141 руб. — в возмещение расходов, связанных с рассмотрением вопросов реабилитации, 21 087 руб. — в возмещение расходов на оплату экспертных услуг.

Апелляционным постановлением Приморского краевого суда от 11 декабря 2018 г. постановление от 5 октября 2018 г. оставлено без изменения.

Постановлением президиума Приморского краевого суда от 28 октября 2019 г. апелляционное постановление Приморского краевого суда от 11 декабря 2018 г. отменено, материал передан на новое апелляционное рассмотрение.

Апелляционным постановлением Приморского краевого суда от 28 февраля 2020 г. постановление судьи Находкинского городского суда Приморского края от 5 октября 2018 г. изменено: постановлено взыскать с Минфина России за счет казны Российской Федерации в пользу А. в возмещение имущественного вреда, связанного с уголовным преследованием, 221 000 руб., выплаченных адвокату за оказание юридической помощи, 19 000 руб. — расходы на оплату экспертных услуг, 90 000 руб. — представительские расходы при рассмотрении заявления о реабилитации, 86 340 руб. — индексация указанных сумм, всего взыскать 416 340 руб.; постановлено произвести поворот исполнения постановления судьи Находкинского городского суда Приморского края от 5 октября 2018 г. о взыскании с Минфина России за счет казны Российской Федерации в пользу А. 1 316 368 руб.; на А. возложена обязанность возвратить Минфину России выплаченные за счет казны Российской Федерации в результате исполнения постановления судьи 900 027 руб.

Определением Находкинского городского суда Приморского края от 29 сентября 2020 г., вынесенным в порядке ст.ст. 203, 225, 434 ГПК РФ, ст. 399 УПК РФ, исполнение апелляционного постановления Приморского краевого суда от 28 февраля 2020 г., в соответствии с которым А. обязан возвратить Минфину России выплаченные за счет казны Российской Федерации в результате исполнения постановления судьи 900 027 руб., рассрочено на 5 лет (60 месяцев) с ежемесячным внесением платежей в размере 15 000 руб.

Апелляционным определением Приморского краевого суда от 19 ноября 2020 г. определение городского суда от 29 сентября 2020 г. оставлено без изменения.

Председатель Верховного Суда РФ в представлении поставил вопрос о возобновлении

производства по делу в отношении А. ввиду новых обстоятельств в связи с вынесением Конституционным Судом РФ Постановления от 23 сентября 2021 г. № 41-П.

Президиум Верховного Суда РФ 26 января 2022 г. удовлетворил представление по следующим основаниям.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 23 сентября 2021 г. № 41-П признал п. 4 ч. 1 ст. 135 УПК РФ не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку эта норма, предусматривая возмещение реабилитированному имущественного вреда с отнесением к его составу сумм, выплаченных за оказание реабилитированному юридической помощи, не предполагает отказа лицу, пострадавшему от незаконного или необоснованного уголовного преследования, в полном возмещении расходов на оплату полученной им юридической помощи адвоката, если не доказано, что часть его расходов, предъявленных к возмещению, обусловлена явно иными обстоятельствами, нежели получение такой помощи непосредственно в связи с защитой реабилитированного от уголовного преследования, и при этом добросовестность его требований о таком возмещении не опровергнута.

В Постановлении Конституционного Суда РФ указано, что среди подобных обстоятельств могут быть учтены, например, решения, принятые самим реабилитированным в рамках свободы договора и распоряжения своим имуществом, как то: решение о дополнительном вознаграждении адвоката сверх условленного по договору, принятое по завершении уголовного дела, и т.п. При этом представители казны вправе просить суд о снижении возмещения, если за услуги адвоката назначена плата в необычно высокой величине и ее явная чрезмерность доказана в сравнении с аналогичными случаями, а также если реабилитированный пользовался услугами сразу нескольких адвокатов и тем более адвокатских образований, притом что это не было обусловлено посменной работой адвокатов, их заменой ввиду долгого уголовного преследования или представлением неодинаковых по содержанию услуг разными адвокатами, когда существенные различия (преимущества) в их предметной специализации известны (доказаны) и с этим связано оказание ими юридической помощи специального профиля.

Статья 401⁶ УПК РФ признана не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее ч. 1 ст. 21, ст.ст. 48 и 53, в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования они не ограничивают период с момента вступления в силу судебного акта о возмещении реабилитированному расходов на оплату юридической помощи, в течение которого может быть принято решение суда кассационной инстанции о пересмотре этого акта, влекущее поворот его исполнения и возврат присужденных реабилитированному сумм.

Конституционный Суд РФ указал, что установленные ст. 401⁶ УПК РФ ограничения и условия кассационного пересмотра приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, распространяются лишь на такие решения, которые определяют уголовно-правовой статус лица как виновного или невиновного в преступлении и подлежащего или не подлежащего уголовной ответственности,

притом что с учетом их к этому лицу применяется наказание или же публично-правовая санкция, структурно обособленная от наказания и выраженная как мера уголовно-правового характера, в возложении на это лицо обязанности претерпеть дополнительные по отношению к наказанию правоограничения уголовно-превентивного свойства, т.е. соотносимая по своей конституционно-правовой природе с наказанием по некоторым признакам, хотя и не тождественная ему.

Возвращение же присужденных сумм в порядке поворота исполнения не относится к наказаниям или иным санкциям, а решение о нем не является как таковое судебным актом, который определял бы собственно уголовно-правовой статус реабилитированного в указанном выше смысле. Между тем в системе действующего регулирования положения ст. 401⁶ УПК РФ — единственный ограничитель ухудшения правового и фактического положения лица в отношениях, складывающихся в связи с его уголовным преследованием либо имеющих генезис в таковом. При таких обстоятельствах отсутствие в процессуальном законе, а по существу отсутствие в ст. 401⁶ УПК РФ правил, препятствующих ухудшению положения реабилитированного, которому на основании вступившего в законную силу решения суда были выплачены суммы в счет возмещения расходов на оплату юридической помощи, являет собою признак конституционно значимого пробела в законодательстве, что вступает в противоречие с гарантиями охраны достоинства личности, права на получение квалифицированной юридической помощи и права на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями или бездействием органов государственной власти и их должностных лиц.

До вступления в силу изменений, вытекающих из Постановления, отсутствие в ст. 401⁶ УПК РФ указания на то, что недопустим пересмотр судом кассационной инстанции судебного акта о возмещении реабилитированному вреда, причиненного незаконным или необоснованным уголовным преследованием, влекущий поворот исполнения этого акта, не дает оснований осуществлять такой пересмотр за пределами года со дня вступления этого акта в законную силу.

Поскольку выявленный Конституционным Судом РФ конституционно-правовой смысл положений ст. 401⁶, п. 4 ч. 1 ст. 135 УПК РФ является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике, Президиум Верховного Суда РФ возобновил производство по делу по жалобе А. ввиду новых обстоятельств и отменил постановление судьи Находкинского городского суда Приморского края от 5 октября 2018 г. и апелляционные постановления Приморского краевого суда от 11 декабря 2018 г. и от 28 февраля 2020 г., постановление президиума Приморского краевого суда от 28 октября 2019 г., определение Находкинского городского суда Приморского края от 29 сентября 2020 г. и апелляционное определение Приморского краевого суда от 19 ноября 2020 г. в отношении А., материал передал для производства нового судебного разбирательства в тот же суд иным составом суда.

*Постановление Президиума
Верховного Суда РФ № 212-П21*

3. В случае, если заявитель не согласен с основанием отказа в возбуждении уголовного дела, суд при рассмотрении его жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ проверяет в том числе правильность выбора должностным

лицом реабилитирующего основания для решения об отказе в возбуждении уголовного дела.

Постановлением Останкинского районного суда г. Москвы от 29 апреля 2019 г. жалобы М., поданная в порядке ст. 125 УПК РФ, о признании незаконным постановления старшего следователя Останкинского межрайонного следственного отдела следственного управления по Северо-Восточному административному округу Главного следственного управления Следственного комитета РФ по г. Москве от 18 апреля 2018 г. об отказе в возбуждении уголовного дела по ч. 1 ст. 285, ч. 3 ст. 290 УК РФ на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в действиях заместителя начальника полиции по охране общественного порядка ОМВД России по району Марьино г. Москвы М. состава преступления оставлена без удовлетворения.

Как указано в постановлении районного суда, при рассмотрении жалобы, поданной в порядке ст. 125 УПК РФ, на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела судья не вправе давать оценку действиям подозреваемого, а также собранным материалам относительно их полноты и содержания сведений, имеющих значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, поскольку эти вопросы подлежат разрешению в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства.

Апелляционным постановлением Московского городского суда от 19 июня 2019 г. постановление оставлено без изменения.

При этом в опровержение доводов, приведенных М. в апелляционной жалобе, судом апелляционной инстанции указано, что обжалование постановлений должностных лиц органов предварительного расследования в порядке ст. 125 УПК РФ не предполагает переоценку уже рассмотренных должностным лицом обстоятельств, установление новых обстоятельств и их оценку, поскольку по смыслу ст. 125 УПК РФ проверка постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела представляет собой проверку судом соблюдения должностным лицом установленной ст.ст. 144, 145, 148, 151 УПК РФ процедуры проведения доследственной проверки.

М. в своем обращении в Конституционный Суд РФ оспаривал конституционность п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, полагая, что указанная норма противоречит ст.ст. 2, 15, ч. 1 ст. 17, ст.ст. 18, 21, 45, 46, 48, 49, 55, чч. 1 и 3 ст. 123 и ст. 133 Конституции Российской Федерации, поскольку допускает отказ в возбуждении уголовного дела за отсутствием в деянии состава преступления в случае, когда отсутствовало само деяние (событие преступления), и не позволяет восстановить нарушенные этим права в суде.

В представлении Председатель Верховного Суда РФ поставил вопрос о возобновлении производства по делу по жалобе М. ввиду новых обстоятельств в связи с вынесением Конституционным Судом РФ Постановления от 15 июня 2021 г. № 28-П.

Президиум Верховного Суда РФ 10 ноября 2021 г. удовлетворил представление по следующим основаниям.

Конституционный Суд РФ 15 июня 2021 г. вынес Постановление № 28-П, в соответствии с которым п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ признан не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования он предполагает, что:

— отказ в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием в деянии состава преступления возможен только при условии предварительного установления наличия и совершения конкретным лицом самого общественно опасного деяния, содержащего объективные признаки преступления;

— законность и обоснованность выбора основания для отказа в возбуждении уголовного дела подлежат судебной проверке по жалобе заинтересованного лица в предусмотренном ст. 125 УПК РФ порядке с учетом всех имеющихся в материалах фактов, на основании которых принималось соответствующее решение, обстоятельств, влияющих на вывод о наличии фактических и правовых оснований для отказа в возбуждении уголовного дела по тому или иному основанию, и позиций сторон.

Конституционный Суд РФ подчеркнул, что п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в системной связи с иными положениями данного Кодекса, в том числе его ст. 125, предполагает и полномочия суда при рассмотрении жалобы на решение дознавателя, следователя об отказе в возбуждении уголовного дела всесторонне оценивать законность и фактическую обоснованность такого решения, принимая во внимание также правильность выбора одного из реабилитирующих оснований для этого решения, с учетом всех имеющихся в материалах, на основании которых принималось соответствующее решение, значимых фактов и обстоятельств, которые могли существенно повлиять на вывод о наличии фактических и правовых оснований для отказа в возбуждении уголовного дела, и позиций сторон, включая доводы лица об отсутствии (недоказанности) события преступления и причастности к его совершению.

Поскольку Конституционный Суд РФ указал, что правоприменительные решения в отношении М., вынесенные на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в истолковании, расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, подлежат пересмотру, Президиум Верховного Суда РФ отменил постановление Останкинского районного суда г. Москвы от 29 апреля 2019 г. и апелляционное постановление Московского городского суда от 19 июня 2019 г., материал передал в тот же суд для производства нового судебного разбирательства в порядке ст. 125 УПК РФ.

*Постановление Президиума
Верховного Суда РФ № 178-П/21*

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Разрешение споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав

4. Вопрос о принудительной выплате денежной компенсации за незначительную долю в праве собственности на жилое помещение разрешается судом исходя из баланса интересов собственников этого помещения с учетом фактических обстоятельств конкретного дела.

Н. с учетом уточненных требований обратилась в суд с иском к В. о разделе совместно нажитого имущества.

В обоснование требований указано, что 5 апреля 2007 г. между В. и Н. был зарегистрирован брак, который 26 апреля 2021 г. расторгнут. Брачный договор не заключался, раздел совместно нажитого имущества не производился. Стороны

являются родителями двоих детей 2008 и 2012 годов рождения, которые проживают с истцом. В период брака супругами приобретены в собственность двухкомнатная квартира и транспортное средство. При покупке квартиры Н. были внесены личные денежные средства, которые получены от продажи принадлежащей ей комнаты, и заемные денежные средства. 16 марта 2016 г. стороны подарили своим детям по 1/4 доле в праве собственности на спорную квартиру каждому.

В квартире, являющейся для Н. единственным жильем, она проживает с детьми, несет бремя ее содержания. В. проживает и зарегистрирован по иному месту жительства, его доля в праве собственности на жилое помещение составляет 4,45 кв.м и является незначительной, в связи с чем не может быть выделена в пользование. Истец просила признать доли сторон в имуществе равными, прекратить право собственности на 1/4 долю за каждым в праве на квартиру, прекратить ее право собственности на транспортное средство, признать за ней право собственности на 1/2 долю в праве собственности на квартиру, признать за В. право собственности на автомашину.

Разрешая спор, суд первой инстанции исходил из того, что совместно нажитым имуществом сторон являются 24/100 доли в праве собственности на квартиру, поскольку оплата части стоимости квартиры произведена за счет личных денежных средств Н., что соответствует 26/100 доли в праве собственности на квартиру и является личным имуществом Н. Приняв во внимание, что брак между сторонами расторгнут, между бывшими супругами сложились конфликтные отношения и доля В. в праве собственности на квартиру (12/100 доли) является незначительной, суд первой инстанции удовлетворил исковые требования Н. о признании за ней права собственности на 1/2 долю в праве собственности на квартиру и о выплате В. денежной компенсации.

Суд апелляционной инстанции признал правильным вывод суда о том, что Н. на приобретение спорной квартиры были вложены личные денежные средства, однако посчитал, что долю В. в праве собственности на квартиру (12/100) нельзя признать незначительной, поскольку квартира является единственным жильем ответчика.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, направив дело на новое апелляционное рассмотрение в связи со следующим.

Закрепляя в п. 4 ст. 252 ГК РФ возможность принудительной выплаты участнику долевой собственности денежной компенсации за его долю, а следовательно, и утраты им права на долю в общем имуществе, законодатель исходил из исключительности таких случаев, их допустимости только при конкретных обстоятельствах и лишь в тех пределах, в каких это необходимо для восстановления нарушенных прав и законных интересов других участников долевой собственности.

В п. 36 совместного постановления Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8 “О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации” (в ред. постановления Пленума Верховного

Суда РФ от 25 декабря 2018 г.) разъяснено, что вопрос о том, имеет ли участник долевой собственности существенный интерес в использовании общего имущества, решается судом в каждом конкретном случае на основании исследования и оценки в совокупности представленных сторонами доказательств, подтверждающих, в частности, нуждаемость в использовании этого имущества в силу возраста, состояния здоровья, профессиональной деятельности, наличия детей, других членов семьи, в том числе нетрудоспособных, и т.д.

Между тем положения приведенных выше правовых норм, а также их разъяснения не были учтены судом апелляционной инстанции и кассационным судом общей юрисдикции.

Как видно из материалов дела, общая площадь квартиры составляет 44,5 кв.м, жилая — 32,8 кв.м, квартира состоит из двух комнат площадью 13,8 кв.м и 19 кв.м. Доля в праве собственности на жилое помещение (12/100), принадлежащая В., составляет 3,9 кв.м жилой площади. Выдел такой доли в натуре произвести технически невозможно, равно как и предоставить соответствующее данной доле жилое помещение в пользование В. для проживания.

Исходя из заявленных истцом требований, их обоснования, а также с учетом положений ст. 252 ГК РФ юридически значимыми и подлежащими доказыванию являлись следующие обстоятельства: может ли объект собственности быть использован всеми сосособственниками по его назначению (для проживания) без нарушения прав собственников, имеющих большую долю в праве собственности; имеется ли возможность предоставления ответчику в пользование изолированного жилого помещения, соразмерного его доле в праве собственности на квартиру; есть ли у ответчика существенный интерес в использовании общего имущества. От выяснения данных обстоятельств зависело правильное разрешение судом спора по требованиям Н. о выплате компенсации за долю в общем имуществе.

Однако данные обстоятельства суд апелляционной инстанции в нарушение ч. 2 ст. 56 ГПК РФ не определил в качестве юридически значимых для правильного разрешения спора, вследствие чего они не получили надлежащей правовой оценки при проверке акта нижестоящего суда.

Ссылка суда апелляционной инстанции на то обстоятельство, что ответчик не имеет в собственности другого жилого помещения, кроме спорной квартиры, сама по себе не может являться основанием для отказа в удовлетворении исковых требований.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации”, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации. Поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. В этом случае суд при рассмотрении дела выно-

сит на обсуждение обстоятельства, явно свидетельствующие о таком недобросовестном поведении, даже если стороны на них не ссылались (ст. 56 ГПК РФ).

При решении вопроса о наличии или об отсутствии реальной заинтересованности в использовании незначительной доли в общем имуществе также подлежит установлению соизмеримости интереса лица в использовании общего имущества с теми неудобствами, которые его участие причинит другим (другому) собственникам.

Суды апелляционной и кассационной инстанций не учли установленные судом первой инстанции обстоятельства: наличие конфликтных отношений в бывшей семье, невозможность совместного проживания. Истец и несовершеннолетние дети вынуждены проживать по иному адресу ввиду невозможности такого проживания после вселения в спорную квартиру ответчика, что подтверждается в том числе постановлением мирового судьи от 24 марта 2021 г. о привлечении В. к административной ответственности за причинение побоев Н. Ответчик зарегистрирован по другому постоянному месту жительства — в квартире своей матери.

При таких обстоятельствах судам следовало дать оценку доводам Н. о том, что она имеет существенный интерес в пользовании квартирой, являющейся единственным жильем ее и несовершеннолетних детей, которые посещают учебные и медицинские учреждения, расположенные в данном микрорайоне. Вновь вселившись в спорную квартиру после расторжения брака между сторонами, В. вынудил Н. и несовершеннолетних детей выехать из жилого помещения из-за невозможности совместного проживания.

Определение № 82-КГ22-3-К7

Разрешение споров, возникающих из договоров обязательного страхования гражданской ответственности

5. В отсутствие предусмотренных законом оснований страховщик не вправе заменить страховое возмещение в форме организации и оплаты восстановительного ремонта поврежденного легкового автомобиля, принадлежащего на праве собственности гражданину и зарегистрированного в Российской Федерации, на денежную выплату, определенную с учетом износа комплектующих изделий (деталей, узлов, агрегатов).

Б. обратилась в суд с иском к страховой компании о возложении обязанности выдать направление на проведение восстановительного ремонта автомобиля и о взыскании неустойки.

Иск обоснован тем, что в результате дорожно-транспортного происшествия по вине водителя троллейбуса был поврежден автомобиль Б. Гражданская ответственность Б. застрахована в страховой компании (ответчик). В порядке прямого возмещения убытков Б. обратилась к ответчику с заявлением о выдаче направления на ремонт. Вместо организации и оплаты ремонта автомобиля страховщик без согласия истца перечислил страховое возмещение в размере 30 100 руб. с учетом износа автомобиля.

В удовлетворении требований о выдаче направления на ремонт с заменой поврежденных деталей новыми страховщик отказал, сославшись на отсутствие у него договоров со станциями технического обслуживания автомобилей (далее — СТОА), отвечающими требованиям к организации восстановительного ремонта транспортного средства истца.

Решением финансового уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг в сфере страхования Б. отказано в удовлетворении требования об организации восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства.

Разрешая спор и удовлетворяя частично иск, суд первой инстанции исходил из того, что у ответчика отсутствовали предусмотренные законом основания для отказа истцу в выдаче направления на ремонт. При этом суд признал необоснованными доводы страховщика о невозможности ремонта автомобиля истца на СТОА, с которым у страховщика заключен договор.

Отменяя решение суда и отказывая в удовлетворении иска Б., суд апелляционной инстанции сослался на то, что детали автомобиля истца, которые получили повреждения в результате дорожно-транспортного происшествия, имели повреждения и следы доаварийного характера, что исключает возможность осуществления ремонта транспортного средства на СТОА по направлению страховщика, поскольку такой ремонт не обеспечивает возможность приведения автомобиля в состояние, в котором он находился до наступления страхового случая.

В связи с этим суд апелляционной инстанции пришел к выводу о правомерной выплате страховщиком денежной суммы в счет страхового возмещения вреда, причиненного автомобилю истца.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, отменяя постановления судов апелляционной и кассационной инстанций и направляя дело на новое апелляционное рассмотрение, указала следующее.

Пунктом 1 ст. 929 ГК РФ установлено, что по договору имущественного страхования одна сторона (страховщик) обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию) при наступлении предусмотренного в договоре события (страхового случая) возместить другой стороне (страхователю) или иному лицу, в пользу которого заключен договор (выгодоприобретателю), причиненные вследствие этого события убытки в застрахованном имуществе либо убытки в связи с иными имущественными интересами страхователя (выплатить страховое возмещение) в пределах определенной договором суммы (страховой суммы).

Согласно п. 4 ст. 10 Закона РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 “Об организации страхового дела в Российской Федерации” условиями страхования имущества и (или) гражданской ответственности в пределах страховой суммы может предусматриваться замена страховой выплаты представлением имущества, аналогичного утраченному имуществу, а в случае повреждения имущества, не повлекшего его утраты, — организацией и (или) оплатой страховщиком в счет страхового возмещения ремонта поврежденного имущества.

Условия и порядок страхового возмещения по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств регулируются Федеральным законом от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ “Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств” (далее — Закон об ОСАГО).

В соответствии со ст. 3 данного Закона одним из основных принципов обязательного страхова-

ния является гарантия возмещения вреда, причиненного жизни, здоровью или имуществу потерпевших, в пределах, установленных данным Федеральным законом.

Согласно абз. 1—3 п. 15¹ ст. 12 Закона об ОСАГО страховое возмещение вреда, причиненного легковому автомобилю, находящемуся в собственности гражданина и зарегистрированному в Российской Федерации, осуществляется (за исключением случаев, установленных п. 16¹ названной статьи) в соответствии с п. 15² или п. 15³ названной статьи путем организации и (или) оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства потерпевшего (возмещение причиненного вреда в натуре).

Страховщик после осмотра поврежденного транспортного средства потерпевшего и (или) проведения его независимой технической экспертизы выдает потерпевшему направление на ремонт на станцию технического обслуживания и осуществляет оплату стоимости проводимого такой станцией восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства потерпевшего в размере, определенном в соответствии с единой методикой определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства, с учетом положений абз. 2 п. 19 указанной статьи.

При проведении восстановительного ремонта в соответствии с пп. 15² и 15³ той же статьи не допускается использование бывших в употреблении или восстановленных комплектующих изделий (деталей, узлов, агрегатов), если в соответствии с единой методикой определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства требуется замена комплектующих изделий (деталей, узлов, агрегатов). Иное может быть определено соглашением страховщика и потерпевшего.

Из приведенных норм права следует, что возмещение вреда, причиненного легковому автомобилю, находящемуся в собственности гражданина и зарегистрированному в Российской Федерации, по общему правилу осуществляется путем восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства, при этом страховщиком стоимость такого ремонта оплачивается без учета износа комплектующих изделий (деталей, узлов, агрегатов).

Перечень случаев, когда страховое возмещение по выбору потерпевшего или по соглашению потерпевшего и страховщика либо в силу объективных обстоятельств вместо организации и оплаты восстановительного ремонта осуществляется в форме страховой выплаты, приведен в п. 16¹ ст. 12 Закона об ОСАГО.

Наличие предшествующих повреждений (износа) автомобиля к таким случаям не относится, а иных предусмотренных данной нормой оснований для замены восстановительного ремонта страховой выплатой суд апелляционной инстанции не установил.

Определение № 41-КГ22-16-К4

6. Оформление участниками дорожно-транспортного происшествия документов об этом происшествии в упрощенном порядке без участия уполномоченных на то сотрудников полиции не лишает потерпевшего права на полное возмещение ущерба причинителем вреда в части, превышающей размер установленного законом страхового возмещения по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств.

К. обратилась в суд с иском к А. о возмещении ущерба, причиненного в результате ДТП, указав, что по вине ответчика был поврежден принадлежащий истцу автомобиль. Документы о происшествии оформлены его участниками в соответствии с требованиями ст. 11¹ Закона об ОСАГО путем совместного заполнения бланка извещения о ДТП и без участия уполномоченных сотрудников полиции. В порядке прямого возмещения убытков страховщик выплатил потерпевшей страховое возмещение в размере 100 000 руб. Ссылаясь на то, что стоимость восстановительного ремонта автомобиля без учета износа составляет 175 300 руб., а утрата товарной стоимости — 11 075 руб., К. просила взыскать с А. в возмещение ущерба 86 375 руб., а также расходы на оплату услуг эксперта в размере 8000 руб.

Удовлетворяя иск, суд первой инстанции исходил из недостаточности выплаченного истцу по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств страхового возмещения для полного возмещения причиненного вреда. При этом суд указал, что оформление документов о ДТП в упрощенном порядке и выплата страхового возмещения прекращают обязательство страховщика перед потерпевшим по конкретному страховому случаю, но не лишают потерпевшего права предъявить к причинителю вреда в рамках деликтных правоотношений требование о возмещении вреда в размере, превышающем страховую выплату.

Суд апелляционной инстанции с выводами суда первой инстанции согласился.

Кассационный суд общей юрисдикции оснований для отмены решения суда и апелляционного определения не установил.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, оставляя без изменения состоявшиеся по делу судебные постановления, исходила из следующего.

Пунктом 1 ст. 15 ГК РФ установлено, что лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере.

В соответствии со ст. 1072 названного Кодекса юридическое лицо или гражданин, застраховавшие свою ответственность в порядке добровольного или обязательного страхования в пользу потерпевшего (ст. 931, п. 1 ст. 935), в случае, когда страховое возмещение недостаточно для того, чтобы полностью возместить причиненный вред, возмещают разницу между страховым возмещением и фактическим размером ущерба.

Согласно преамбуле Закона об ОСАГО данный Закон определяет правовые, экономические и организационные основы обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств в целях защиты прав потерпевших.

При этом в отличие от норм гражданского права о полном возмещении убытков причинителем вреда (ст. 15, п. 1 ст. 1064 ГК РФ) Закон об ОСАГО гарантирует возмещение вреда, причиненного жизни, здоровью или имуществу потерпевших, в пределах, установленных этим Законом (абз. 2 ст. 3). Страховое возмещение вреда, причиненного повреждением транспортных средств потерпевших, ограничено названным Законом как лимитом страхового возме-

ния, так и специальным порядком расчета страхового возмещения, осуществляемого в денежной форме, — с учетом износа комплектующих изделий (деталей, узлов и агрегатов), подлежащих замене, и в порядке, установленном единой методикой определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства.

В силу абз. 2 п. 23 ст. 12 Закона об ОСАГО с лица, причинившего вред, может быть взыскана сумма в размере части требования, оставшейся неудовлетворенной в соответствии с данным Законом.

В п. 35 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 58 “О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств” (в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений) разъяснено, что причинитель вреда, застраховавший свою ответственность в порядке обязательного страхования в пользу потерпевшего, возмещает разницу между страховым возмещением и фактическим размером ущерба только в случае, когда страхового возмещения недостаточно для полного возмещения причиненного вреда (ст. 15, п. 1 ст. 1064, ст. 1072 и п. 1 ст. 1079 ГК РФ)¹.

Давая оценку положениям Закона об ОСАГО во взаимосвязи с положениями главы 59 ГК РФ, Конституционный Суд РФ в Постановлении от 31 мая 2005 г. № 6-П указал, что требование потерпевшего (выгодоприобретателя) к страховщику о выплате страхового возмещения в рамках договора обязательного страхования является самостоятельным и отличается от требований, вытекающих из обязательств вследствие причинения вреда. Различия между страховым обязательством, по которому страховщику надлежит осуществить именно страховое возмещение по договору, и деликтным обязательством непосредственно между потерпевшим и причинителем вреда обуславливают разницу в самом их назначении и, соответственно, в условиях возмещения вреда. Смещение различных обязательств и их элементов, одним из которых является порядок реализации потерпевшим своего права, может иметь неблагоприятные последствия с ущемлением прав и свобод стороны, в интересах которой установлен соответствующий гражданско-правовой институт, в данном случае — для потерпевшего. И поскольку обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств не может подменять собой и тем более отменить институт деликтных обязательств, как определяют его правила главы 59 ГК РФ, применение правил указанного страхования не может приводить к безосновательному снижению размера возмещения, которое потерпевший вправе требовать от причинителя вреда.

С учетом изложенного положения Закона об ОСАГО не отменяют право потерпевшего на возмещение вреда с его причинителя и не предусматривают возможность возмещения убытков в меньшем размере.

Как установлено судами первой и апелляционной инстанций, исследуемое ДТП оформлено его участниками в соответствии с требованиями ст. 11¹ Закона об ОСАГО — путем совместного заполнения бланка извещения о ДТП.

В порядке прямого возмещения ущерба страховщик выплатил истцу страховое возмещение в размере 100 000 руб., что согласно п. 4 ст. 11¹ Закона об ОСАГО является лимитом ответственности страховщика по данному виду страхования с учетом избранного способа оформления ДТП, следовательно, обязательство страховщика прекратилось его надлежащим исполнением.

При таких обстоятельствах вывод суда первой инстанции о праве К. на получение от А. как виновного в ДТП разницы между фактическим ущербом, установленным заключением эксперта, и выплаченным страховщиком страховым возмещением признан Судебной коллегией правильным.

Определение № 1-КГ22-7-К3

Разрешение споров с сетевыми и газораспределительными организациями

7. Повторное технологическое присоединение энергопринимающего устройства, которое ранее в надлежащем порядке было технологически присоединено, не требуется при смене собственника или иного законного владельца.

М. обратился в суд с иском к АО “Атом-ЭнергоСбыт” в лице обособленного подразделения “КурскАтомЭнергоСбыт” (далее — гарантирующий поставщик) о возложении обязанности заключить договор снабжения электрической энергией нежилого помещения — коровника.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, исходил, в частности, из того, что акт об осуществлении технологического присоединения от 24 марта 2020 г., представленный истцом до расторжения договора энергоснабжения от 1 апреля 2014 г., заключенного между гарантирующим поставщиком и агрофирмой в лице М., не может служить подтверждением надлежащего подключения энергопринимающего устройства к электрическим сетям сетевой организации при заключении нового договора истцом, в обязанности которого входит представление необходимых документов согласно п. 34 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденных постановлением Правительства РФ от 4 мая 2012 г. № 442.

Кассационный суд общей юрисдикции также не усмотрел оснований для отмены судебных постановлений нижестоящих судебных инстанций, отметив, что в силу требований действующего законодательства до расторжения договора энергоснабжения от 1 апреля 2014 г. между истцом и гарантирующим поставщиком не мог быть заключен соответствующий договор, а после расторжения договора энергоснабжения истец не обращался к ответчику с заявлением о заключении нового договора.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала состоявшиеся по делу судебные постановления вынесенными с существенным нарушением норм права, отменила их и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав в том числе следующее.

В соответствии со ст. 539 ГК РФ по договору энергоснабжения энергоснабжающая организа-

¹ Аналогичное разъяснение дано в п. 63 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 8 ноября 2022 г. № 31 “О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств”.

ция обязуется подавать абоненту (потребителю) через присоединенную сеть энергию, а абонент обязуется оплачивать принятую энергию, а также соблюдать предусмотренный договором режим ее потребления, обеспечивать безопасность эксплуатации находящихся в его ведении энергетических сетей и исправность используемых им приборов и оборудования, связанных с потреблением энергии (п. 1).

Договор энергоснабжения заключается с абонентом при наличии у него отвечающего установленным техническим требованиям энергопринимающего устройства, присоединенного к сетям энергоснабжающей организации, и другого необходимого оборудования, а также при обеспечении учета потребления энергии (п. 2).

К отношениям по договору снабжения электрической энергией правила данного параграфа применяются, если законом или иными правовыми актами не установлено иное (п. 4).

Правовые основы экономических отношений в сфере электроэнергетики, полномочия органов государственной власти на регулирование этих отношений, основные права и обязанности субъектов электроэнергетики при осуществлении деятельности в сфере электроэнергетики (в том числе производства в режиме комбинированной выработки электрической и тепловой энергии) и потребителей электрической энергии установлены Федеральным законом от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике».

Согласно ст. 26 указанного Закона технологическое присоединение к объектам электросетевого хозяйства энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, в том числе объектов микрогенерации, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам (далее также — технологическое присоединение), осуществляется в порядке, установленном Правительством РФ, и носит однократный характер (п. 1).

В случае, если происходит смена собственника или иного законного владельца энергопринимающих устройств или объектов электроэнергетики, которые ранее в надлежащем порядке были технологически присоединены, а виды производственной деятельности, осуществляемой новым собственником или иным законным владельцем, не влекут за собой пересмотр величины присоединенной мощности и не требуют изменения схемы внешнего электроснабжения и категории надежности электроснабжения, повторное технологическое присоединение не требуется и ранее определенные границы балансовой принадлежности устройств или объектов и ответственности за нарушение правил эксплуатации объектов электросетевого хозяйства не изменяются (п. 4).

В настоящее время действует порядок технологического присоединения, определенный Правилами технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям, утвержденными постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 861 (далее — Правила).

Как указано в п. 2 Правил, их действие распространяется на случаи: присоединения впер-

вые вводимых в эксплуатацию энергопринимающих устройств; увеличения максимальной мощности ранее присоединенных энергопринимающих устройств; изменения категории надежности электроснабжения, точек присоединения, видов производственной деятельности, не влекущих пересмотра величины максимальной мощности, но изменяющих схему внешнего электроснабжения ранее присоединенных энергопринимающих устройств; присоединения ранее присоединенных энергопринимающих устройств, выведенных из эксплуатации (в том числе в целях консервации на срок более 1 года) в порядке, установленном Правилами вывода объектов электроэнергетики в ремонт и из эксплуатации, утвержденными постановлением Правительства РФ от 26 июля 2007 г. № 484 «О выводе объектов электроэнергетики в ремонт и из эксплуатации»; предусмотренные п. 41 данных Правил.

Таким образом, повторное технологическое присоединение энергопринимающего устройства, которое ранее в надлежащем порядке было технологически присоединено, не требуется при смене собственника или иного законного владельца в случае, если виды производственной деятельности указанных лиц не влекут за собой пересмотр величины присоединенной мощности и не требуют изменения схемы внешнего электроснабжения и категории надежности электроснабжения.

Разделом VIII Правил урегулированы вопросы восстановления и переоформления документов о технологическом присоединении.

В соответствии с п. 80 Правил сетевая организация осуществляет бессрочное хранение выданных технических условий и документов о технологическом присоединении в бумажной и электронной формах.

Как следует из материалов дела, 7 февраля 2020 г. М. обратился в сетевую организацию и к гарантирующему поставщику с заявлением о переводе точки учета электроэнергии «МТФ» (коровник) на него как на физическое лицо в связи с выкупом коровника для ведения личного подсобного хозяйства. В качестве приложения к этому заявлению истец указал свидетельство о государственной регистрации права собственности.

24 марта 2020 г. сетевая организация на основании свидетельства о государственной регистрации права собственности выдала М. акт об осуществлении технологического присоединения, оформляемый при смене собственника энергопринимающих устройств.

При этом в тексте акта об осуществлении технологического присоединения указано, что мероприятия по технологическому присоединению выполнены согласно техническим условиям от 3 августа 2010 г.

Таким образом, содержание заявления истца и акта об осуществлении технологического присоединения свидетельствуют о том, что действия истца и сетевой организации по переводу точки учета электроэнергии фактически были направлены на переоформление документов о технологическом присоединении.

В абз. 2 п. 2 Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, утвержденных постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 861, указано, что акт об осуществлении технологического присоединения (акт о технологическом присоединении) представляет собой документ, составленный по окончании процеду-

ры технологического присоединения энергопринимающих устройств к электрическим сетям и подтверждающий технологическое присоединение в установленном порядке, в котором определены технические характеристики технологического присоединения, в том числе величина максимальной мощности, границы балансовой принадлежности объектов электроэнергетики (энергопринимающих устройств) сторон и границы ответственности сторон за эксплуатацию соответствующих объектов электроэнергетики (энергопринимающих устройств) и (или) объектов электросетевого хозяйства.

Это судебными инстанциями учтено не было, вследствие чего вывод о том, что представленный истцом акт об осуществлении технологического присоединения не может расцениваться в качестве документа, подтверждающего подключение энергопринимающего устройства к электрическим сетям сетевой организации в установленном порядке при заключении нового договора, Судебная коллегия признала неправомерным.

Определение № 39-КГ22-5-К1

Разрешение споров, связанных с социальными и пенсионными отношениями

8. Социальная выплата, предоставленная молодому специалисту на строительство (приобретение) жилья в сельской местности, использованная им по целевому назначению в соответствии с условиями договора, заключенного с органом публичной власти, не подлежит взысканию в качестве неосновательного обогащения.

Департамент агропромышленного комплекса и потребительского рынка Ярославской области (далее — Департамент) и прокурор в интересах неопределенного круга лиц обратились в суд с исками к И., организации агропромышленного комплекса и администрации муниципального района о признании договора от 15 марта 2017 г. об обеспечении молодого специалиста (молодой семьи) жильем в сельской местности с использованием социальной выплаты, заключенного между Департаментом, организацией агропромышленного комплекса (работодатель И.) и И., недействительным, применении последствий недействительности сделки. Департамент просил взыскать с И. денежные средства предоставленной социальной выплаты как неосновательное обогащение, а прокурор — с администрации муниципального района как неправомерно израсходованные денежные средства.

Определением суда первой инстанции дела по искам Департамента и прокурора соединены для их совместного рассмотрения и разрешения.

В обоснование заявленных требований Департамент и прокурор указали следующее. Постановлением Правительства РФ от 15 июля 2013 г. № 598 была утверждена федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014—2017 годы и на период до 2020 года» (далее — федеральная целевая программа). На основании федеральной целевой программы в Ярославской области была разработана областная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий Ярославской области» на 2014—2020 годы, утвержденная постановлением правительства Ярославской области от 17 марта 2014 г. № 222-п (далее — областная целевая программа).

Областной целевой программой предусматривалось предоставление социальной выплаты

на строительство (приобретение) жилья в сельской местности, в том числе молодым семьям и молодым специалистам, осуществляемой в соответствии с Правилами предоставления социальных выплат на строительство (приобретение) жилья гражданам, проживающим в сельской местности на территории Ярославской области, в том числе молодым семьям и молодым специалистам, за счет средств областного бюджета и субсидий на софинансирование расходных обязательств муниципальных образований области по строительству (приобретению) жилья, предоставляемого молодым семьям и молодым специалистам по договору найма жилого помещения (приложение № 2 к областной целевой программе, далее — Правила).

В Правилах перечислены условия, которым должны соответствовать молодые семьи и молодые специалисты (и члены их семей), изъявившие желание постоянно проживать и работать по трудовому договору в агропромышленном комплексе (основное место работы) в сельской местности. Среди таких условий предусмотрен переезд в сельскую местность в границах соответствующего муниципального района (городского округа), в которой один из членов молодой семьи или молодой специалист работает или осуществляет индивидуальную предпринимательскую деятельность в агропромышленном комплексе или социальной сфере, из другого муниципального района или городского округа (за исключением городского округа, на территории которого находится административный центр соответствующего муниципального района).

Департамент и прокурор ссылались на то, что И. неправомерно включен администрацией муниципального района в сводные списки участников мероприятий — получателей социальных выплат в рамках реализации федеральной целевой программы на получение социальной выплаты, поскольку им был совершен переезд в район Ярославской области, который не дает право на получение социальной выплаты: переезд в населенный пункт (в деревню) района Ярославской области из административного центра этого района — г. Ярославля. Ввиду этого обстоятельства заключенный 15 марта 2017 г. между Департаментом, организацией агропромышленного комплекса (работодатель И.) и И. договор об обеспечении молодого специалиста (молодой семьи) жильем в сельской местности с использованием социальной выплаты является недействительным (ничтожным) в силу ст. 166, п. 2 ст. 168 ГК РФ, а полученные И. денежные средства в виде социальной выплаты на строительство (приобретение) жилья в сельской местности в размере 1 562 400 руб. — неосновательным обогащением согласно ст.ст. 1102, 1107 и 1109 ГК РФ и подлежат возврату в соответствующие бюджеты.

Решением суда первой инстанции искивые требования Департамента удовлетворены в полном объеме, а требования прокурора удовлетворены частично (прокурору отказано во взыскании денежных средств с администрации муниципального района).

Разрешая спор и принимая решение о признании недействительным договора об обеспечении молодого специалиста жильем от 15 марта 2017 г. и о взыскании с И. в пользу Департамента социальной выплаты, суд первой инстанции исходил из того, что при переезде И. из города в сельскую местность в границах муниципального

района Ярославской области у него не возникло право на получение и использование социальной выплаты в рамках федеральной целевой программы, так как он не соответствовал одному из условий, предусмотренных Правилами, заключение этого договора повлекло нецелевое расходование бюджетных средств и нарушение прав неопределенного круга лиц на получение мер социальной поддержки согласно очередности и в установленном порядке, т.е. нарушение публичных интересов, поэтому сделка (договор об обеспечении молодого специалиста жильем от 15 марта 2017 г.) в силу п. 2 ст. 168 ГК РФ является ничтожной.

С доводами ответчиков (И. и его работодателя) о наличии оснований для освобождения И. от возврата данной суммы применительно к правилам подп. 3 ст. 1109 ГК РФ суд первой инстанции не согласился, указав на то, что эти доводы основаны на неправильном толковании закона.

Ссылки ответчиков И. и его работодателя на целевое расходование И. средств социальной выплаты на строительство индивидуального жилого дома в сельской местности, на несение им дополнительных расходов при строительстве дома и на полное исполнение своих обязательств по договору об обеспечении молодого специалиста жильем от 15 марта 2017 г. суд первой инстанции также отклонил, полагая, что они не опровергают вывод о недействительности данного договора и не свидетельствуют о невозможности применения последствий недействительности сделки в виде взыскания с И. предоставленной ему социальной выплаты.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Кассационный суд общей юрисдикции, оставив без изменения судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций, признал их законными и обоснованными.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, дело направила в суд первой инстанции на новое рассмотрение, указав в том числе следующее.

Из положений ст.ст. 166, 168 ГК РФ и разъяснений по их применению, содержащихся в пп. 73, 75 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации”, следует, что по общему правилу сделка, не соответствующая требованиям закона, является оспоримой; ничтожной такая сделка является тогда, когда она, кроме того, посягает на публичные интересы (интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды, при нарушении явно выраженного запрета, установленного законом) либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц.

Признавая договор об обеспечении молодого специалиста жильем от 15 марта 2017 г., заключенный между Департаментом, И. и организацией агропромышленного комплекса (работодателем И.), ничтожным на основании п. 2 ст. 168 ГК РФ, суды первой и апелляционной инстанций указали на то, что данный договор посягает на публичные интересы, поскольку создает препятствия для участия в областной целевой программе неопределенному кругу лиц, которые могли бы претендовать на получение социальной выплаты в порядке очередности.

Однако этот вывод судов первой и апелляционной инстанций основан на неправильном применении нормативных правовых актов Ярославской области, регулирующих порядок и условия для включения в списки граждан, в том числе молодых специалистов, имеющих право на предоставление социальной выплаты на строительство (приобретение) жилья, особенности заключения и исполнения договора об обеспечении гражданина (молодого специалиста) жильем.

Так, исходя из положений Правил лица, имеющие право на получение социальной выплаты на строительство (приобретение) жилья в сельской местности на территории Ярославской области, определяются соответствующим сводным списком, в который включаются не все желающие получить социальную выплату, а только граждане, в том числе молодые специалисты, отвечающие в совокупности условиям, предусмотренным указанными Правилами, т.е. круг лиц определен названным списком.

Соответственно, у суда не имелось оснований, предусмотренных п. 2 ст. 168 ГК РФ, для признания договора об обеспечении молодого специалиста (молодой семьи) жильем ничтожным, поскольку заключение данного договора с И. не посягало на публичные интересы, а именно не создавало препятствий для участия в областной целевой программе неопределенному кругу лиц и не нарушало их права. Данных о том, что каким-либо лицам было отказано во включении в сводные списки на получение социальной выплаты из-за заключения указанного договора с И., истцы суду не представили.

Как указала Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, осуществляемая в рамках федеральной и региональной целевых программ социальная выплата на строительство (приобретение) жилья в сельской местности представляет собой безвозмездную меру социальной поддержки для граждан, проживающих в сельской местности, в том числе для молодых специалистов, изъявивших желание переехать на постоянное место жительства в сельскую местность и работать там в агропромышленном комплексе, не имеющих жилья в сельской местности там, где они работают, а также не имеющих достаточных собственных средств для его приобретения. Данная мера социальной поддержки предназначена для создания комфортных условий жизнедеятельности в сельской местности, привлечения в сельскую местность молодых специалистов, обеспечения достойного существования, надлежащего уровня жизни и необходимого достатка граждан, проживающих в сельской местности, в том числе молодых специалистов, т.е. для выполнения конституционно значимых целей.

Следовательно, исходя из характера и предназначения предоставленной И. меры социальной поддержки — социальной выплаты на строительство (приобретение) жилья в сельской местности на территории Ярославской области, эта социальная выплата по своей правовой природе может быть отнесена к денежным суммам, перечисленным в подп. 3 ст. 1109 ГК РФ и не подлежащим возврату в качестве неосновательного обогащения при отсутствии недобросовестности со стороны гражданина или счетной ошибки, в связи с чем вывод судебных инстанций о том, что на спорные отношения положения указанной нормы не распространяются, сделан без учета правовой природы названной выплаты и не

соответствует приведенному правовому регулированию.

Взыскивая с И. денежные средства в размере полученной социальной выплаты в пользу Департамента, суды первой и апелляционной инстанций не учли правовую позицию Конституционного Суда РФ, изложенную в Постановлении от 14 января 2020 г. № 2-П, о недопустимости произвольного установления оснований для взыскания с граждан денежных средств, полученных ими в качестве социальной выплаты на строительство (приобретение) жилья в сельской местности, и формального подхода к делам, в которых гражданин в отношениях с органами публичной власти выступает как слабая сторона, что нарушило право И. на судебную защиту его прав и свобод, гарантированную каждому ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации.

Суды первой и апелляционной инстанций также не приняли во внимание конкретные обстоятельства включения И. в список участников мероприятий — получателей социальной выплаты в отсутствие одного из условий, предусмотренных Правилами, возложив бремя неблагоприятных последствий допущенных администрацией муниципального района нарушений на гражданина.

Между тем судами первой и апелляционной инстанций было установлено, что молодым специалистом И. для получения социальной выплаты в администрацию муниципального района были представлены документы, необходимые для включения его в состав участников в рамках федеральной и областной целевых программ, в том числе подтверждающие его переезд из г. Ярославля в сельский район Ярославской области для проживания и работы в организации агропромышленного комплекса. По результатам рассмотрения этих документов решением общественной комиссии по жилищным вопросам администрации муниципального района И. был признан не имеющим жилья в сельской местности для участия в федеральной целевой программе и для включения в списки получателей социальных выплат. Затем решением администрации муниципального района И. включен в сводные списки участников мероприятий — получателей социальных выплат, которые были утверждены главой администрации муниципального района. Департамент на основании этих сводных списков признал за И. право на получение социальной выплаты, выдал ему свидетельство на предоставление социальной выплаты и перечислил денежные средства социальной выплаты на строительство (приобретение) жилья.

Полученная И. социальная выплата использована им по целевому назначению: средства социальной выплаты и собственные средства ответчика направлены на строительство индивидуального жилого дома в сельском поселении, где он работает по настоящее время в организации агропромышленного комплекса в должности машиниста фронтального погрузчика. И. также взял на себя письменное обязательство, удостоверенное нотариусом, оформить в общую долевую собственность ему, его супруге и детям данный объект жилищного строительства в течение 6 месяцев после ввода этого объекта в эксплуатацию. Таким образом, им были выполнены все условия договора об обеспечении молодого специалиста жильем от 15 марта 2017 г. При этом в процессе реализации права на социальную выплату со сто-

роны И. не было допущено недобросовестных, противоправных действий.

Лишение в сложившейся ситуации молодого специалиста И. права на социальную выплату на строительство (приобретение) жилья в сельской местности на территории Ярославской области, не допустившего недобросовестных, противоправных действий при обращении в уполномоченные органы за реализацией права на социальную выплату, использовавшего данную выплату по ее целевому назначению, работающего в организации агропромышленного комплекса и не имеющего иного жилья в сельской местности там, где он работает, не будет отвечать целям государственной аграрной политики, направленным в том числе на привлечение молодых специалистов для работы в сельскую местность в агропромышленном комплексе, не имеющих там жилья и достаточных собственных средств для его приобретения.

Определение № 8-КГ21-16-К2

9. При расчете среднедушевого дохода семьи для оказания мер государственной социальной поддержки в виде ежемесячной денежной выплаты на ребенка в возрасте от 3 до 7 лет включительно в составе дохода семьи не учитывается размер алиментов, уплаченных супругом на содержание ребенка от предыдущего брака.

Прокурор в интересах несовершеннолетнего А. в лице законного представителя И. обратился в суд с иском к многофункциональному центру предоставления государственных и муниципальных услуг в Еврейской автономной области (далее — МФЦ) о возложении обязанности произвести расчет среднедушевого дохода семьи и назначить ежемесячную денежную выплату на ребенка в возрасте от 3 до 7 лет включительно (далее также — ежемесячная выплата).

В обоснование исковых требований прокурор ссылался на проведенную прокурорскую проверку исполнения МФЦ законодательства, регулирующего отношения, возникающие при предоставлении гражданам государственной социальной помощи, которой установлено, что 4 июня 2020 г. И., действуя в интересах несовершеннолетнего сына А., 2017 года рождения, обратилась в МФЦ с заявлением о назначении ежемесячной выплаты, предусмотренной Указом Президента Российской Федерации от 20 марта 2020 г. № 199 “О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей”.

По результатам рассмотрения заявления И. должностными лицами МФЦ принято решение об отказе в назначении ежемесячной выплаты в связи с тем, что размер среднедушевого дохода ее семьи превышает величину прожиточного минимума на душу населения, установленную в Еврейской автономной области (далее также — ЕАО) за второй квартал 2019 г. При расчете среднедушевого дохода семьи И. из дохода семьи не была исключена сумма уплаченных супругом И. — Н. алиментов на ребенка от предыдущего брака.

Прокурор полагал, что действия МФЦ по включению в доход семьи И. уплаченных ее супругом Н. алиментов на ребенка от предыдущего брака противоречат федеральному законодательству, а также нарушают права несовершеннолетнего А. на получение гарантированной государством социальной помощи в виде ежемесячной выплаты.

Разрешая спор, суд первой инстанции пришел к выводу о наличии оснований для удовле-

творения исковых требований прокурора к МФЦ об обязанности произвести расчет среднедушевого дохода семьи и назначении ежемесячной выплаты на несовершеннолетнего ребенка.

При этом суд первой инстанции руководствовался положениями Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ “О государственной социальной помощи”, Федерального закона от 5 апреля 2003 г. № 44-ФЗ “О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими и оказания им государственной социальной помощи”, Указа Президента Российской Федерации от 20 марта 2020 г. № 199, постановления Правительства РФ от 20 августа 2003 г. № 512 “О перечне видов доходов, учитываемых при расчете среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для оказания им государственной социальной помощи”, Основных требований к порядку назначения и осуществления ежемесячной денежной выплаты на ребенка в возрасте от 3 до 7 лет включительно, утвержденных постановлением Правительства РФ от 31 марта 2020 г. № 384, Закона Еврейской автономной области от 30 марта 2020 г. № 534-ОЗ “О ежемесячной денежной выплате на ребенка в возрасте от трех до семи лет включительно в Еврейской автономной области”, Порядка учета и исчисления размера среднедушевого дохода семьи для получения ежемесячной денежной выплаты на ребенка в возрасте от трех до семи лет включительно, утвержденного постановлением правительства Еврейской автономной области от 14 апреля 2020 г. № 100-пп.

Суд первой инстанции исходил из того, что в МФЦ при расчете среднедушевого дохода семьи И. из него не была исключена сумма алиментов, выплаченная за период с 1 января по 31 декабря 2019 г. супругом И. — Н. на ребенка от предыдущего брака, что не соответствует положениям федерального законодательства и нарушает права несовершеннолетнего А. на получение мер социальной поддержки, в связи с чем ответчику необходимо повторно произвести расчет среднедушевого дохода семьи И., исключив из дохода семьи сумму уплаченных алиментов.

Установив, что размер среднедушевого дохода семьи И., определенный без учета суммы уплаченных ее супругом Н. алиментов на содержание ребенка от предыдущего брака, за период с 1 января по 31 декабря 2019 г., не превышает величину прожиточного минимума на душу населения в ЕАО за второй квартал 2019 г., суд первой инстанции обязал МФЦ назначить законному представителю несовершеннолетнего А., 2017 года рождения, — И. ежемесячную выплату с 9 января 2020 г.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об оставлении без удовлетворения исковых требований прокурора, указал, что И., являющаяся матерью несовершеннолетнего А., претендует на меру государственной поддержки семей, имеющих детей, предоставляемую в порядке и на условиях, установленных региональным законодательством, которым не предусмотрено исключение суммы уплаченных алиментов из дохода семьи при расчете среднедушевого дохода семьи для получения ежемесячной денежной выплаты на ребенка в возрасте от 3 до 7 лет включительно. По мнению суда апелляционной инстанции, в данном случае мера государственной поддержки семей, имеющих детей, в виде ежеме-

сячной выплаты на детей в возрасте от 3 до 7 лет включительно под понятие государственной социальной помощи малоимущим семьям не подпадает, поэтому положения Федерального закона от 5 апреля 2003 г. № 44-ФЗ “О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими и оказания им государственной социальной помощи” и принятого во исполнение его постановления Правительства РФ от 20 августа 2003 г. № 512 к спорным отношениям применению не подлежат.

Кассационный суд общей юрисдикции, оставив без изменения апелляционное определение суда апелляционной инстанции, не установил нарушения либо неправильного применения судом апелляционной инстанции норм материального права.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, оставив в силе решение суда первой инстанции, разрешившего спор в соответствии с подлежащими применению к спорным отношениям нормами материального права и установленными обстоятельствами.

Признавая выводы суда апелляционной инстанции неправомерными, Судебная коллегия отметила, что этой судебной инстанцией дано неправильное толкование положений законодательства ЕАО, подлежащих применению во взаимосвязи с федеральным законодательством.

Так, Указом Президента Российской Федерации “О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей” в целях повышения доходов семей, имеющих детей, с 1 января 2020 г. установлена ежемесячная денежная выплата на ребенка в возрасте от 3 до 7 лет включительно, которая предоставляется в случае, если среднедушевой доход семьи не превышает величину прожиточного минимума на душу населения, установленную в субъекте Российской Федерации. Изданными Правительством РФ во исполнение названного Указа Основными требованиями к порядку назначения и осуществления ежемесячной денежной выплаты на ребенка в возрасте от 3 до 7 лет включительно определено, что при расчете среднедушевого дохода семьи учитываются доходы семьи, полученные в денежной форме, в том числе алименты. Аналогичные условия предоставления ежемесячной выплаты содержатся и в нормативных актах субъекта Российской Федерации — Еврейской автономной области, регулирующих спорные отношения (Закон Еврейской автономной области “О ежемесячной денежной выплате на ребенка в возрасте от трех до семи лет включительно в Еврейской автономной области”, Порядок учета и исчисления размера среднедушевого дохода семьи для получения ежемесячной денежной выплаты на ребенка в возрасте от трех до семи лет включительно). Таким образом, как федеральным законодательством, так и законодательством Еврейской автономной области предусмотрено, что алименты учитываются при расчете среднедушевого дохода семьи в том случае, если они получены членами семьи, а не уплачены ими.

Суд апелляционной инстанции, делая вывод о том, что положениями законодательства ЕАО не предусмотрено исключение суммы уплаченных алиментов из дохода семьи при расчете среднедушевого дохода семьи для получения ежеме-

поддержки в виде материнского (семейного) капитала возникает однократно. Право на получение государственного сертификата на материнский (семейный) капитал у В. в связи с рождением в 2020 году ребенка не возникло. Решение пенсионного органа от 12 мая 2020 г. об отказе в выдаче В. государственного сертификата на материнский (семейный) капитал судом признано законным.

Отменяя указанное решение суда, суд апелляционной инстанции со ссылкой на п. 4 ч. 1 ст. 3, а также ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ указал на то, что В. ранее не воспользовалась своим правом на получение мер социальной поддержки в виде материнского (семейного) капитала; при обращении к ответчику 7 мая 2020 г. с заявлением о выдаче государственного сертификата на материнский (семейный) капитал представила достоверные сведения, в том числе сведения об очередности рождения (усыновления) и (или) о гражданстве ребенка, в связи с рождением (усыновлением) которого возникает право на дополнительные меры государственной поддержки. Таким образом, по мнению суда апелляционной инстанции, у ответчика не имелось законных оснований для отказа в удовлетворении заявления истца о выдаче сертификата на материнский (семейный) капитал.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, отменяя постановления судов апелляционной и кассационной инстанций и оставляя в силе решение суда первой инстанции, указала следующее.

Частью 1 ст. 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» предусмотрено, что право на дополнительные меры государственной поддержки возникает при рождении (усыновлении) ребенка (детей), имеющего гражданство Российской Федерации, у следующих граждан Российской Федерации независимо от места их жительства:

1) женщин, родивших (усыновивших) второго ребенка начиная с 1 января 2007 г.;

2) женщин, родивших (усыновивших) третьего ребенка или последующих детей начиная с 1 января 2007 г., если ранее они не воспользовались правом на дополнительные меры государственной поддержки;

3) мужчин, являющихся единственными усыновителями второго, третьего ребенка или последующих детей, ранее не воспользовавшихся правом на дополнительные меры государственной поддержки, если решение суда об усыновлении вступило в законную силу начиная с 1 января 2007 г.;

4) женщин, родивших (усыновивших) первого ребенка начиная с 1 января 2020 г.;

5) мужчин, являющихся единственными усыновителями первого ребенка, ранее не воспользовавшихся правом на дополнительные меры государственной поддержки, если решение суда об усыновлении вступило в законную силу начиная с 1 января 2020 г.

В соответствии с ч. 3 ст. 3 этого Федерального закона право женщин на дополнительные меры государственной поддержки прекращается и переходит к иным лицам (отцу ребенка либо самому ребенку) в случаях смерти женщины, объявления ее умершей, лишения родительских прав в

отношении ребенка, в связи с рождением которого возникло право на дополнительные меры государственной поддержки, совершения в отношении своего ребенка (детей) умышленного преступления, относящегося к преступлениям против личности, а также в случае отмены усыновления ребенка, в связи с усыновлением которого возникло право на дополнительные меры государственной поддержки.

В случаях, если отец (усыновитель) ребенка, у которого в соответствии с ч. 3 этой же статьи возникло право на дополнительные меры государственной поддержки, или мужчина, являющийся единственным усыновителем ребенка, умер, объявлен умершим, лишен родительских прав в отношении ребенка, в связи с рождением которого возникло право на дополнительные меры государственной поддержки, оставил ребенка, в связи с рождением которого возникло право на дополнительные меры государственной поддержки, в родильном доме (отделении) или иной медицинской организации, дал письменное согласие на усыновление ребенка, в связи с рождением которого возникло право на дополнительные меры государственной поддержки (за исключением согласия на его усыновление мачехой), совершил в отношении своего ребенка (детей) умышленное преступление, относящееся к преступлениям против личности и повлекшее за собой лишение родительских прав или ограничение родительских прав в отношении ребенка (детей), либо если в отношении указанных лиц отменено усыновление ребенка, в связи с усыновлением которого возникло право на дополнительные меры государственной поддержки, их право на дополнительные меры государственной поддержки прекращается и возникает у ребенка (детей в равных долях), не достигшего совершеннолетия, и (или) у совершеннолетнего ребенка (детей в равных долях), обучающегося по очной форме обучения в образовательной организации (за исключением организации дополнительного образования), до окончания такого обучения, но не дольше чем до достижения им возраста 23 лет (ч. 4).

Право на дополнительные меры государственной поддержки возникает у ребенка (детей в равных долях), указанного в ч. 4 данной статьи, в случае, если женщина, право которой на дополнительные меры государственной поддержки прекратилось по основаниям, указанным в ч. 3 названной статьи, являлась единственным родителем (усыновителем) ребенка, в связи с рождением (усыновлением) которого возникло право на дополнительные меры государственной поддержки, либо в случае, если у отца (усыновителя) ребенка (детей) не возникло право на дополнительные меры государственной поддержки по основаниям, указанным в ч. 3 этой статьи (ч. 5).

Пунктом 1 ст. 71 СК РФ предусмотрено, что родители, лишенные родительских прав, теряют все права, основанные на факте родства с ребенком, в отношении которого они были лишены родительских прав, в том числе право на получение от него содержания (ст. 87 Кодекса), а также право на льготы и государственные пособия, установленные для граждан, имеющих детей.

Из системного толкования приведенных правовых норм следует, что право на дополнительные меры государственной поддержки в виде материнского (семейного) капитала возникает у женщи-

ны, родившей двух и более детей начиная с 1 января 2007 г. или первого ребенка начиная с 1 января 2020 г., однократно. На это обстоятельство указано и в Обзоре судебной практики по делам, связанным с реализацией права на материнский (семейный) капитал, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 22 июня 2016 г.

Право на дополнительные меры государственной поддержки возникает у ребенка (детей в равных долях), в связи с рождением которого возникло такое право, в случае, если женщина, право которой на дополнительные меры государственной поддержки прекратилось по основаниям, указанным в ч. 3 ст. 3 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ, являлась единственным родителем (усыновителем) ребенка, в связи с рождением (усыновлением) которого возникло право на дополнительные меры государственной поддержки, либо в случае, если у отца (усыновителя) ребенка (детей) не возникло право на дополнительные меры государственной поддержки по основаниям, указанным в ч. 3 ст. 3 указанного Федерального закона.

Как установлено судом и следует из материалов дела, В. выдавался государственный сертификат на материнский (семейный) капитал в связи с рождением второго ребенка, в отношении которого она была лишена родительских прав.

Таким образом, в данном случае в связи с рождением второго ребенка (2008 года рождения) В. реализовала свое право на получение средств материнского (семейного) капитала, но впоследствии утратила его в связи с лишением родительских прав, и на основании ч. 5 ст. 3 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ данное право возникло у детей В. в равных долях.

Согласно пп. 1 и 2 ч. 6 ст. 5 названного Федерального закона основанием для отказа в удовлетворении заявления о выдаче сертификата являются в том числе отсутствие права на дополнительные меры государственной поддержки в соответствии с этим Федеральным законом, а также прекращение права на дополнительные меры государственной поддержки по основаниям, установленным чч. 3—4¹ и 6 ст. 3 указанного Федерального закона.

Судебная коллегия указала на то, что судами апелляционной и кассационной инстанций ошибочно применена ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ, в соответствии с которой при возникновении права на дополнительные меры государственной поддержки лиц, указанных в ч. 1 этой статьи, не учитываются дети, в отношении которых данные лица были лишены родительских прав.

Данная норма подлежит применению в тех случаях, когда у лиц, указанных в ч. 1 ст. 3, возникает право на дополнительные меры государственной поддержки в связи с рождением ребенка, причем такое право может возникнуть только 1 раз. Такое право возникло у В. в связи с рождением второго ребенка, оно было ею реализовано при получении государственного сертификата на материнский (семейный) капитал, но было прекращено в связи с лишением ее родительских прав в отношении первых двоих детей. В связи с рождением в 2020 году третьего ребенка повторного права на дополнительные меры государственной поддержки у нее возникнуть не могло в силу прямого указания на это в пп. 1 и 2 ч. 6 ст. 5 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ.

Определение № 44-КГ22-5-К7

11. При назначении сотруднику органа внутренних дел пенсии за выслугу лет период его службы в качестве стажера по соответствующей должности в органе внутренних дел подлежит включению в стаж службы в календарном исчислении.

Т. обратился в суд с иском к органу внутренних дел об определении выслуги лет, о назначении пенсии за выслугу лет.

В обоснование заявленных требований истец указал, что с 1995 по 2013 год проходил службу на штатных должностях в органах внутренних дел на территории Ямало-Ненецкого автономного округа. В приказе об увольнении Т. со службы приведены данные о продолжительности его выслуги лет в календарном и льготном исчислении.

Истец не согласился с расчетом выслуги лет при увольнении со службы, полагая, что период службы с 20 февраля по 20 августа 1995 г. в качестве стажера по должности милиционера роты патрульно-постовой службы при отделе внутренних дел должен исчисляться в льготном порядке из расчета 1 месяц службы за 1,5 месяца и период службы с 30 октября 1996 г. по 8 апреля 1997 г. в качестве стажера по соответствующей должности в органе внутренних дел должен исчисляться в льготном порядке из расчета 1 месяц службы за 2 месяца, так как г. Новый Уренгой, где он проходил службу в период с 20 февраля по 20 августа 1995 г., расположен на территории Ямало-Ненецкого автономного округа, а пос. Ямбург Ямало-Ненецкого автономного округа, где он проходил службу в период с 30 октября 1996 г. по 8 апреля 1997 г., относится к местностям севернее Северного полярного круга. Между тем данные периоды были засчитаны в выслугу лет в календарном исчислении.

Решением суда первой инстанции искивые требования Т. удовлетворены в части, касающейся расчета выслуги лет.

Разрешая искивые требования Т. о включении в расчет его выслуги лет периодов службы в качестве стажера по соответствующей должности, суд, руководствуясь Законом РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-I “О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей”, пп. 1 и 3 постановления Правительства РФ от 22 сентября 1993 г. № 941 “О порядке исчисления выслуги лет, назначения и выплаты пенсий, компенсаций и пособий лицам, проходившим военную службу в качестве офицеров, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы или по контракту в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин либо службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семьям в Российской Федерации”, ст. 12 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденного постановлением Верховного Совета РФ от 23 декабря 1992 г. № 4202-I (далее — Положение о службе), в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных отношений, пришел к выводу о зачете в выслугу лет истца периодов работы в качестве стажера на льготных условиях как периодов службы в отдаленных местностях. При этом суд исходил из того, что период стажировки на должностях рядового и начальствующего состава органов внутренних дел относится к

службе в органах внутренних дел. Несмотря на то, что на время испытательного срока кандидат назначается стажером по должности без присвоения специального звания и на него в этот период распространяется действие трудового законодательства, он при этом выполняет обязанности и пользуется правами сотрудника органов внутренних дел в соответствии с занимаемой должностью и условиями контракта.

С указанными выводами суда первой инстанции согласился суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судов первой и апелляционной инстанций в части включения в расчет выслуги лет Т. периодов службы в качестве стажера по соответствующей должности в льготном исчислении ошибочными, основанными на неправильном применении и толковании норм материального права, регулирующих спорные отношения.

Правоотношения, связанные с поступлением на службу в органы внутренних дел, ее прохождением и прекращением, а также с определением правового положения (статуса) сотрудника органов внутренних дел, регулируются Федеральным законом от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Вопросы прохождения службы сотрудниками полиции также регулируются нормами Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», в силу ст. 34 которого служба в полиции осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации, регламентирующим вопросы прохождения службы в органах внутренних дел, с учетом положений этого Закона.

Согласно ст. 24 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ для гражданина, поступающего на службу в органы внутренних дел, в целях проверки уровня его подготовки и соответствия должности в органах внутренних дел, на замещение которой он претендует, устанавливается испытание на срок от 2 до 6 месяцев, за исключением случаев, установленных чч. 10 и 11 данной статьи. На период испытания кандидат назначается стажером на соответствующую должность в органах внутренних дел без присвоения ему специального звания. Во время испытания стажер выполняет обязанности и пользуется правами в соответствии с замещаемой должностью в органах внутренних дел и условиями трудового договора. Стажеру в период испытания не разрешаются ношение и хранение огнестрельного оружия. Запрещается использовать стажера в оперативных мероприятиях, когда может возникнуть угроза его жизни либо когда его самостоятельные действия в силу профессиональной неподготовленности могут привести к нарушению, ущемлению прав, свобод и законных интересов граждан. В период испытания стажер наряду с выполнением основных обязанностей и поручений по должности проходит индивидуальное обучение по месту службы под руководством непосредственного руководителя (начальника) и наставника из числа опытных сотрудников органов внутренних дел, назначаемого приказом уполномоченного руководителя. В период испытания осуществляется дальнейшее изучение деловых и личных качеств стажера. Срок испытан-

ия засчитывается в стаж службы в органах внутренних дел (выслугу лет).

В заявленные для исчисления в льготном порядке периоды службы истца в качестве стажера по соответствующей должности действовало Положение о службе, согласно ст. 1 которого сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации являются граждане Российской Федерации, состоящие в должностях рядового и начальствующего состава органов внутренних дел или в кадрах МВД России, которым в установленном данным Положением порядке присвоены специальные звания рядового и начальствующего состава органов внутренних дел.

В соответствии со ст. 12 Положения о службе для лиц, впервые поступающих на службу в органы внутренних дел, может быть установлен испытательный срок продолжительностью от 3 месяцев до 1 года в зависимости от уровня подготовки и должности, на которую они поступают. В этом случае кандидат назначается стажером на соответствующую должность без присвоения ему специального звания. Для лиц, впервые принимаемых на службу в милицию, испытательный срок обязателен. На время испытательного срока на стажера распространяется действие законодательства Российской Федерации о труде, а также ст.ст. 53 и 55 указанного Положения. Испытательный срок засчитывается в стаж службы в органах внутренних дел, дающий право на выплату процентной надбавки за выслугу лет и назначение пенсии по линии МВД России.

Из приведенных нормативных положений следует, что гражданин, поступивший на службу в качестве стажера по соответствующей должности, не может считаться сотрудником органов внутренних дел или сотрудником полиции до момента назначения на должность и присвоения специального звания.

Поскольку в периоды с 20 февраля по 20 августа 1995 г. и с 30 октября 1996 г. по 8 апреля 1997 г. Т. не был назначен на должность и ему не было присвоено специальное звание, сотрудником органов внутренних дел в указанные периоды он не являлся.

Суды не приняли во внимание, что период службы в качестве стажера по соответствующей должности является трудовой деятельностью, а не служебной, в связи с чем к этому периоду не могут в полном объеме применяться нормы закона, регулирующие служебные отношения в органах внутренних дел, в том числе отношения, связанные с пенсионным обеспечением и расчетом выслуги лет.

Стаж службы (выслуга лет) в органах внутренних дел исчисляется в порядке, установленном ст. 38 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ.

В силу п. 11 ч. 2 ст. 38 названного Федерального закона в стаж службы (выслугу лет) в органах внутренних дел включается срок испытания при поступлении гражданина на службу в органы внутренних дел.

Пунктом 1 ч. 3 этой же статьи установлено, что в стаж службы (выслугу лет) в органах внутренних дел в льготном исчислении засчитываются периоды прохождения сотрудником органов внутренних дел службы в районах Крайнего Севера, приравненных к ним местностях и других местностях с неблагоприятными климатическими или экологическими условиями, в том числе отдаленных, в соответствии с перечнями указан-

ных районов и местностей, утверждаемыми Правительством РФ.

В соответствии с п. 1 ч. 4 ст. 38 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ в стаж службы (выслугу лет) в органах внутренних дел для назначения пенсии за выслугу лет включаются периоды, указанные в чч. 2 и 3 этой статьи (в календарном или льготном исчислении).

Согласно положениям подп. “в” и “г” п. 3 постановления Правительства РФ от 22 сентября 1993 г. № 941 в выслугу лет для назначения пенсий уволенным со службы лицам рядового и начальствующего состава органов внутренних дел засчитываются на льготных условиях периоды службы в органах внутренних дел в районах Крайнего Севера, приравненных к ним местностях и других местностях с неблагоприятными климатическими или экологическими условиями, в том числе отдаленных.

Таким образом, изложенные нормы не дают оснований для включения периодов службы Т. в качестве стажера по должности милиционера роты патрульно-постовой службы при отделе внутренних дел (дислокация в г. Новый Уренгой) и по должности помощника оперативного дежурного линейного отдела внутренних дел (дислокация в пос. Ямбург) в выслугу лет в льготном исчислении.

В силу п. 11 ч. 2 и п. 1 ч. 4 ст. 38 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ периоды службы в качестве стажера по соответствующим должностям могут быть включены в выслугу лет только в календарном исчислении.

С учетом приведенных обстоятельств Судебная коллегия отменила состоявшиеся по делу судебные постановления в части включения в расчет выслуги лет Т. периодов службы в качестве стажера по соответствующей должности в льготном исчислении и, не передавая дело на новое рассмотрение, приняла в отмененной части новое решение об отказе Т. в удовлетворении исковых требований.

Определение № 70-КГ16-12

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Практика применения законодательства о несостоятельности (банкротстве)

12. Срок исковой давности по требованию о возврате предварительной оплаты по договору о передаче вещи не течет, если сторона этого договора выразила волю на исполнение соответствующего обязательства в натуре.

Общество заключило с Правительством Москвы инвестиционный контракт, направленный на реализацию проекта по строительству административно-делового и торгового центра с подземным паркингом, по результатам исполнения которого обществу подлежала передача в собственность часть нежилых помещений.

В свою очередь, общество (инвестор) заключило с индивидуальным предпринимателем (соинвестором) договор инвестирования в строительство.

Соинвестор надлежащим образом исполнил принятые по договору обязательства (произвел оплату в полном объеме и в согласованный срок).

Правительство Москвы и общество подписали акт о результатах реализации контракта, со-

гласно которому обществу переданы нежилые помещения делового центра, в том числе офисное помещение, подлежавшее передаче соинвестору.

Вопреки достигнутым договоренностям общество (продавец) заключило с другим покупателем договор купли-продажи нежилых помещений, на основании которого, помимо прочего, произвело отчуждение офисного помещения, предназначавшегося соинвестору. Право собственности покупателя на помещение было зарегистрировано.

Соинвестор в судебном порядке оспорил заключенный обществом и покупателем договор купли-продажи в отношении к нему части.

Вступившим в законную силу решением суда общей юрисдикции отказано в удовлетворении иска о признании договора недействительным в оспариваемой части и о применении последствий его недействительности.

В рамках дела о банкротстве общества соинвестор подал заявление о включении в реестр требований кредиторов должника денежного требования о возмещении убытков, возникших в связи с неисполнением обществом принятого по договору инвестирования в строительство обязательства по передаче в собственность офисного помещения, в том числе реального ущерба в виде суммы, внесенной соинвестором в счет оплаты по этому договору, разности между текущей ценой офисного помещения и его ценой, определенной в договоре инвестирования в строительство.

Определением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявления отказано.

Признавая требование соинвестора необоснованным, суды сочли, что был пропущен трехлетний срок исковой давности, который начал течь не позднее дня ввода делового центра в эксплуатацию.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Согласно п. 1 ст. 196 ГК РФ общий срок исковой давности составляет три года.

По общему правилу, закрепленному в п. 1 ст. 200 ГК РФ, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права.

Заключенный соинвестором и обществом договор является договором купли-продажи будущей недвижимой вещи (пп. 1, 2, 4 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 июля 2011 г. № 54 “О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем”).

Первоначальное требование соинвестора, вытекающее из этого договора, о передаче в собственность офисного помещения отлично от предъявленного в рамках дела о банкротстве общества денежного требования о возмещении убытков, возникших в связи с неисполнением обществом договорного обязательства, в частности о возврате соинвестору денежных средств, уплаченных по договору инвестирования в строительство, и компенсации в деньгах разности между текущей ры-

ночной стоимостью офисного помещения и ценой, определенной в договоре.

Если после возникновения оснований для расторжения договора купли-продажи будущей недвижимой вещи в связи с нарушением, допущенным продавцом, в течение некоторого периода времени воля обеих сторон сделки была направлена на сохранение объединяющей их обязательственной связи и предоставление должнику дополнительной возможности исполнить договор, у кредитора все это время (пока должник подтверждает намерение совершить в будущем действия, являющиеся предметом договора) имеются разумные ожидания относительно того, что он получит имущество в натуре, а потому по смыслу п. 1 ст. 200 ГК РФ в указанный период срок давности по денежному требованию о возмещении продавцом убытков, причиненных передачей недвижимости покупателю, не течет.

В рассматриваемом случае в договор инвестирования в строительство включены положения о том, что общество (продавец) извещает соинвестора (покупателя) о готовности офисного помещения к передаче в собственность покупателю; расходы, связанные с оформлением права собственности на помещение, несет покупатель.

Обществом в адрес инвестора было направлено уведомление о готовности к оформлению права собственности соинвестора на офисное помещение с требованием компенсировать на основании договора инвестирования в строительство затраты, понесенные в связи с оформлением (расходы по изготовлению технических и кадастровых паспортов), а также возместить расходы на уплату государственной пошлины.

Таким образом, общество выразило волю на исполнение договорного обязательства по передаче вещи в натуре при условии возмещения соинвестором, как и было установлено договором, расходов, связанных с оформлением права собственности на данную вещь. Соответствующее возмещение соинвестор предоставил 30 июня 2016 г. (в отведенный ст. 314 ГК РФ срок), после чего справедливо рассчитывал получить офисное помещение от общества.

Поскольку у соинвестора не имелось оснований полагать, что общество не предоставит предусмотренное договором исполнение путем передачи офисного помещения, срок давности по требованию о возмещении убытков, вызванных неисполнением упомянутого договорного обязательства, не мог начать течь ранее дня возмещения расходов, связанных с оформлением права собственности на данную вещь. С иском о возмещении убытков (заявлением о включении соответствующего требования в реестр) соинвестор обратился 28 июня 2019 г., т.е. в пределах трехлетнего срока исковой давности.

Определение № 305-ЭС21-27461(2)

13. Банк-залогодержатель обладает преимущественным перед другими кредиторами должника правом на получение удовлетворения за счет денежных средств, причитающихся должнику (как участнику долевого строительства) от застройщика в связи с прекращением договора участия в долевом строительстве многоквартирного дома.

Банк предоставил гражданину кредит на инвестирование строительства квартиры, осуществляемого на основании заключенного с компанией и подчиняющегося Федеральному закону от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изме-

нений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон № 214-ФЗ) договора участия в долевом строительстве многоквартирного дома. В качестве обеспечения своевременного и полного исполнения обязательств по кредитному договору должник предоставил банку залог прав требования по договору участия в долевом строительстве многоквартирного дома и залог строящейся квартиры, зарегистрированный в установленном порядке.

В рамках дела о банкротстве гражданина банк обратился в суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов должника задолженности, обеспеченной залогом имущества должника.

Заявление в части включения в реестр основного долга и процентов за пользование кредитными средствами рассмотрено отдельно и удовлетворено.

Требование о признании залогового статуса указанных сумм выделено в отдельное производство. Определением арбитражного суда первой инстанции, оставленным в силе судами апелляционной и кассационной инстанций, в его удовлетворении отказано.

Ко дню рассмотрения судом первой инстанции спорного требования состоялись решение и апелляционное определение судов общей юрисдикции, в силу которых договор участия в долевом строительстве многоквартирного дома признан расторгнутым, с компании в пользу должника взыскан долг и проценты за пользование чужими денежными средствами.

Последствия расторжения договора участия в долевом строительстве предусмотрены Законом № 214-ФЗ и отличны от последствий указанного в п. 2 ст. 453 ГК РФ прекращения обязательств сторон вследствие расторжения или изменения договора.

Учитывая названные судебные акты судов общей юрисдикции и руководствуясь п. 2 ст. 453, п. 1 ст. 352 ГК РФ, суды признали прекращение заложенных прав требования должника как участника долевого строительства в связи с прекращением договора участия в долевом строительстве многоквартирного дома, из которого эти права вытекают.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила судебные акты суда первой инстанции, апелляционного и кассационного судов и признала требования банка обеспеченными залогом прав из договора участия в долевом строительстве многоквартирного дома, указав следующее.

В силу ст. 9 Закона № 214-ФЗ в определенных случаях участник долевого строительства вправе отказаться от договора или по его требованию договор может быть расторгнут судом, последствием чего является обязанность застройщика возвратить участнику денежные средства, уплаченные им в счет цены договора, а также уплатить проценты на эту сумму за пользование указанными денежными средствами.

Право должника требовать от компании после расторжения договора участия в долевом строительстве многоквартирного дома возврата вложенных в строительство квартиры денежных средств и уплаты процентов вытекает из закона и подтверждено судебными актами судов общей юрисдикции.

Эти права находятся в залоге у банка, и их реализация является предметом спорного требования банка.

Преимущественное перед другими кредиторами должника право банка на получение удовлетворения за счет денежных средств, причитающихся должнику от компании в связи с прекращением договора участия в долевом строительстве многоквартирного дома, следует из п. 2 ст. 334 ГК РФ.

Таким образом, вывод судов о прекращении залога прав требования должника как участника долевого строительства противоречит закону, и банку необоснованно отказано в признании обеспеченным таким залогом включенного в реестр требования.

Направление дела о расторжении договора долевого участия на новое рассмотрение не влияет на права банка, поскольку при выборе любого способа получения исполнения (обращение взыскания на причитающиеся должнику как участнику долевого строительства денежные средства либо на квартиру) требование банка имеет статус обеспеченного залогом.

Определение № 310-ЭС21-29244

Практика применения гражданского законодательства

14. Отзыв согласия на совершение сделки, состоявшийся после заключения предварительного договора совершения сделки, не может являться основанием для отказа в иске о понуждении к заключению основного договора.

Между продавцом и покупателем, являющимися участниками общества, обладающими каждый по 50% долей в уставном капитале, с нотариально удостоверенного согласия супруги продавца заключен предварительный договор купли-продажи доли в уставном капитале общества от 14 августа 2019 г., по условиям которого стороны приняли на себя обязательство заключить в будущем в срок до 14 августа 2020 г. договор купли-продажи на отчуждение части доли.

Ссылаясь на уклонение продавца от заключения основного договора, покупатель обратился в арбитражный суд с иском к продавцу об обязанности заключить договор купли-продажи части доли, принадлежащей ответчику в уставном капитале общества, на условиях, согласованных в предварительном договоре купли-продажи от 14 августа 2019 г.

Продавец обратился со встречным иском к покупателю о признании недействительным предварительного договора купли-продажи от 14 августа 2019 г.

В качестве третьего лица, заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора в части признания недействительным предварительного договора от 14 августа 2019 г., в дело вступила супруга продавца, которая заявила, что не дает своего согласия на заключение основного договора купли-продажи доли на условиях предварительного договора, и распоряжением от 11 сентября 2020 г. отозвала согласие, выданное на заключение предварительного договора купли-продажи доли в уставном капитале общества, а распоряжением от 14 декабря 2020 г. также отозвала согласие на продажу долей в уставном капитале.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного апелляционного суда и арбитражного суда округа, в удовлетворении иска покупателя, встречного иска продавца и самостоятельных требований супруги продавца отказано.

Судами указано на невозможность понуждения продавца к отчуждению долей в уставном капитале общества с нарушением права совместной собственности супругов, поскольку на момент рассмотрения данного дела супругой продавца отозвано согласие на отчуждение долей в уставном капитале общества, необходимое в соответствии с п. 3 ст. 35 СК РФ.

В удовлетворении встречного иска продавца и в удовлетворении самостоятельных требований супруги продавца о признании недействительным предварительного договора от 14 августа 2019 г. отказано в связи с пропуском срока исковой давности, предусмотренного п. 2 ст. 181 ГК РФ.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила принятые по делу судебные акты в части отказа в удовлетворении требования покупателя о понуждении к заключению договора купли-продажи доли в уставном капитале общества и направила дело на новое рассмотрение в указанной части в связи со следующим.

Получение согласия на совершение сделки является необходимым, в частности, для заключения одним из супругов сделки, для которой законом установлена обязательная нотариальная форма, в том числе сделки, направленной на отчуждение доли или части доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (п. 3 ст. 35 СК РФ и п. 11 ст. 21 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ “Об обществах с ограниченной ответственностью”), поскольку совершение сделки одним из супругов в отношении их общего имущества с безусловностью повлечет наступление правовых последствий и для второго собственника. Согласие второго супруга на совершение сделки подтверждает совпадение воли собственников относительно распоряжения их общим имуществом.

Гражданское законодательство не содержит положений, регулирующих отзыв предварительного согласия на совершение сделки. Из существа семейных отношений не исключается возможность отзыва такого согласия, данного одним из супругов, например, в связи с изменением интересов семьи, наступлением обстоятельств, приводящих к утрате согласия супругов относительно распоряжения их общим имуществом.

В то же время возможность отзыва предварительного согласия на совершение сделки не может быть неограниченной во времени, поскольку такое действие способно затронуть права других участников оборота, возникших из ранее данного третьим лицом согласия.

Из содержания разъяснений, содержащихся в п. 57 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации”, следует, что возможность отзыва предварительного согласия утрачивается с того момента, когда оно повлияло на правоотношения иных участников оборота, а именно послужило основанием для возникновения их прав и обязанностей на основании договора. Отзыв согласия допускается до того, как стороны, основываясь на согласии третьего лица, вступили в договорные отношения.

При заключении предварительного договора у договаривающихся сторон в силу ст. 429 ГК РФ возникает обязанность заключить сделку, в том числе сделку по отчуждению имущества, на ус-

ловиях, оговоренных в предварительном соглашении.

Использование юридической конструкции предварительного договора передачи имущества, как правило, имеет своей целью юридически связать стороны еще до возникновения у контрагента права на необходимую для исполнения вещь, с тем чтобы в установленный им срок восполнить отсутствие условия, необходимого для заключения основного договора.

Как следует из положений п. 5 ст. 429, п. 4 ст. 445 ГК РФ, уклонение стороны, заключившей предварительный договор, от заключения основного договора является основанием для понуждения к заключению договора в судебном порядке.

Таким образом, предварительный и основной договоры купли-продажи являются взаимосвязанными сделками, последовательное совершение которых направлено на отчуждение имущества. При заключении предварительного договора уже выражена воля на отчуждение имущества, которая связывает стороны договора, в связи с чем последующее уклонение одной из сторон от заключения основного договора может являться основанием для понуждения к заключению договора в судебном порядке.

Поскольку с момента заключения предварительного договора согласие третьего лица на совершение сделки купли-продажи уже становится основанием для возникновения прав и обязанностей иных участников оборота, связанных с отчуждением имущества, возможность отзыва согласия третьего лица на отчуждение имущества с этого момента утрачивается.

Как установлено судами, согласие на отчуждение долей в уставном капитале общества дано супругой продавца 14 марта 2019 г. и не было ограничено каким-либо сроком действия; в нем содержалось указание на то, что продажу доли ее супруг вправе осуществить за цену и на условиях по его собственному усмотрению.

С заключением 14 августа 2019 г. предварительного договора купли-продажи долей в уставном капитале общества вышеназванное согласие было реализовано, поскольку привело к возникновению обязательственных правоотношений между продавцом и покупателем, направленных на отчуждение доли.

Следовательно, распоряжение супруги должника об отзыве согласия на продажу долей в уставном капитале общества, данное 14 декабря 2020 г. уже после заключения предварительного договора, не могло иметь юридических последствий.

То обстоятельство, что супругой должника в нотариальном порядке 14 августа 2019 г. также было удостоверено отдельное согласие на совершение только предварительного договора, не имеет значения для спора, поскольку использование юридических конструкций предварительного и основного договора в данном случае являлось способом распоряжения общим имуществом супругов. Получение согласия на заключение предварительного договора не являлось необходимым при наличии ранее выданного согласия на отчуждение имущества. При этом отзыв согласия на заключение предварительного договора состоялся только 11 сентября 2020 г., т.е. также после совершения сделки.

С учетом положений п. 1 ст. 1 ГК РФ при выражении согласия на отчуждение долей в уставном капитале супруга продавца имела возможность отдельно оговорить условия продажи иму-

щества, срок действия согласия и возможность его отмены при наступлении определенных обстоятельств, значимых для семьи. Однако такого рода условия оговорены не были.

Таким образом, при названных обстоятельствах отзыв предварительного согласия на совершение сделки, состоявшийся после заключения предварительного договора, не мог являться основанием для отказа в иске о понуждении к заключению основного договора.

Определение № 307-ЭС22-6562

15. Пункт 1 ст. 335 ГК РФ (в ред. Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ), предусматривающий применение правил о поручительстве к отношениям между являющимся третьим лицом залогодателем, должником и залогодержателем, распространяется на договоры залога, заключенные после вступления в силу названного Закона (1 июля 2014 г.).

Между банком (кредитор) и заемщиком 23 июля 2012 г. заключен кредитный договор со сроком возврата кредита 16 июля 2017 г.

В обеспечение исполнения обязательств заемщика по кредитному договору между банком (залогодержатель) и индивидуальным предпринимателем (залогодатель) 23 июля 2012 г. заключен договор об ипотеке (залоге недвижимости), по условиям которого залогодатель передал залогодержателю в залог нежилое здание и земельный участок, на котором расположен предмет ипотеки. Срок действия договора залога сторонами не установлен. Договор залога прошел государственную регистрацию 3 августа 2012 г.

Банк и заемщик 20 декабря 2017 г. заключили дополнительное соглашение к кредитному договору, согласно которому окончательный срок возврата кредита перенесен на 16 ноября 2018 г.

Банк и предприниматель 20 декабря 2017 г. заключили дополнительное соглашение к договору залога, согласно которому окончательный срок возврата кредита перенесен на 16 ноября 2018 г. Указанное дополнительное соглашение не прошло государственную регистрацию.

Неисполнение заемщиком своих обязательств по кредитному договору послужило основанием для обращения 11 июня 2019 г. банка в арбитражный суд с иском к предпринимателю об обращении взыскания на предмет ипотеки.

Удовлетворяя требование банка, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что ввиду обязательности для банка и предпринимателя дополнительного соглашения от 20 декабря 2017 г. срок исполнения основного обязательства истек 16 ноября 2018 г., а иск предъявлен 11 июня 2019 г., т.е. до истечения годичного срока, предусмотренного п. 4 ст. 367 ГК РФ (в редакции, действовавшей на момент заключения договора залога).

Постановлением арбитражного апелляционного суда, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение отменено, в удовлетворении иска банка отказано.

Суды указали, что, поскольку дополнительное соглашение к договору не было зарегистрировано, срок действия обязательства должен определяться исходя из содержания зарегистрированного договора залога. Так как в договоре залога срок его действия не был установлен, к правоотношениям сторон подлежат применению правила ст. 367 ГК РФ (в действовавшей на момент заключения договора залога редакции) о прекращении залога по истечении года со дня наступления срока исполнения основного обязательства, т.е. до 16 июля 2018 г., а следовательно, банк обратился с иском по истечении срока зало-

га, ввиду чего судом отказано в обращении взыскания на предмет ипотеки.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила судебные акты судов апелляционной и кассационной инстанций, решение суда первой инстанции оставила в силе, указав следующее.

При разрешении вопроса о прекращении залога судами применена норма п. 4 ст. 367 ГК РФ (в действовавшей в момент заключения договора залога редакции) о том, что при отсутствии в договоре поручительства срока, на который оно дано, поручительство прекращается при условии, что кредитор в течение года со дня наступления срока исполнения обеспеченного поручительством обязательства не предъявит иск к поручителю. Обосновывая применимость указанной нормы к отношениям из спорного договора залога, суд первой инстанции сослался на неисчерпывающий перечень оснований прекращения залога (п. 1 ст. 352 ГК РФ), а суды апелляционной и кассационной инстанций, не ссылаясь на норму п. 1 ст. 335 ГК РФ (в ред. Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ “О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации”), воспроизвели ее содержание, предусматривающее применение правил о поручительстве к залого, выданному третьим лицом.

Указанные выводы Судебная коллегия признала ошибочными, поскольку они сделаны без учета правил о действии гражданского законодательства во времени.

В силу подп. 1 ст. 1 Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ п. 1 ст. 335 ГК РФ дополнен абз. 2, предусматривающим, что в случае, когда залогодателем является третье лицо, к отношениям между залогодателем, должником и залогодержателем применяются правила ст.ст. 364—367 ГК РФ, если законом или соглашением между соответствующими лицами не предусмотрено иное.

При этом в п. 3 ст. 3 Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ установлено, что положения Гражданского кодекса РФ (в редакции названного Закона) применяются к правоотношениям, возникшим после дня вступления этого Закона в силу, т.е. с 1 июля 2014 г. (п. 1 ст. 3 Закона).

Таким образом, п. 1 ст. 335 ГК РФ, предусматривающий применение правил о поручительстве к отношениям между залогодателем, должником и залогодержателем в случае, когда залогодателем является третье лицо, распространяется на договоры залога, заключенные после 1 июля 2014 г.

Следовательно, отсчет годичного срока судом первой инстанции от 16 ноября 2018 г. как согласованного в дополнительном соглашении от 20 декабря 2017 г. срока возврата кредита, а судами апелляционной и кассационной инстанций — от 16 июля 2017 г. как срока возврата кредита, согласованного в первоначальной редакции договора залога, на основании которого судом первой инстанции сделан вывод о сохранении залога на момент подачи данного иска, а судами апелляционной и кассационной инстанций — о прекращении залога к этому моменту, не основан на подлежащих применению к спорным отношениям положениях Гражданского кодекса РФ.

В период до введения в действие Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ, установившего специальные правила прекращения залога, срок которого не определен, а следовательно, и во время заключения договора залога от 3 августа 2012 г. вопрос о своевременности предъявления требования об обращении взыскания на заложенное имущество подлежал разрешению исходя из общих правил об исковой давности. В соответствии со ст.ст. 196, 200, 207 ГК РФ иск, вытекающий из дополнительного требования (залог), подлежал предъявлению до истечения трехлетнего срока исковой давности по главному требованию, который, в свою очередь, подлежал исчислению со дня наступления срока его исполнения.

Поскольку на момент обращения банка 11 июня 2019 г. в суд с иском не истекли три года со дня наступления срока возврата кредита по договору, обеспеченному залогом, — 16 ноября 2018 г., у судов отсутствовали основания для отказа в иске.

Определение № 308-ЭС22-648

16. Если из трехстороннего соглашения кредитора, первоначального и нового должников по обязательству, связанному с осуществлением предпринимательской деятельности, неясно, привативный или кумулятивный перевод долга согласован ими, следует исходить из замены должника в обязательстве, а не из присоединения к обязательству нового должника.

Между компанией (поставщик) и обществом (покупатель) заключен договор поставки. Обязательство по оплате полученного товара общество исполнило не в полном объеме, в связи с чем образовалась задолженность.

Индивидуальный предприниматель (новый должник), общество (должник) и компания (кредитор) заключили соглашение о переводе долга, по условиям которого новый должник принял на себя обязательства должника по уплате задолженности согласно акту сверки.

Новый должник также принял на себя обязательства должника по уплате процентов за пользование коммерческим кредитом из расчета, указанного в договоре поставки, а также неустойки за каждый день просрочки.

Соглашением о зачете однородных встречных требований компания и предприниматель с целью частичного прекращения взаимных обязательств произвели зачет в том числе задолженности предпринимателя перед компанией по соглашению о переводе долга.

Предприниматель, ссылаясь на переход к нему на основании абз. 2 п. 3 ст. 391 ГК РФ права кредитора на получение от должника указанной суммы задолженности, обратился в арбитражный суд с иском к обществу о взыскании задолженности.

Суд первой инстанции, не усмотрев в соглашении о переводе долга намерения сторон заключить договор в рамках привативного перевода долга и положений об освобождении предыдущего должника от ответственности перед новым должником (новым кредитором), признал перевод долга кумулятивным, отметив при этом, что действующее законодательство запрещает договор дарения между коммерческими организациями. Учитывая непредставление должником доказательств уплаты долга новому должнику, суд пришел к выводу о наличии у общества неисполненного денежного обязательства перед предпринимателем и удовлетворил иск.

Суды апелляционной и кассационной инстанций поддержали выводы суда первой инстанции.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в связи со следующим.

По смыслу ст. 421 и п. 3 ст. 391 ГК РФ при переводе долга по обязательству, связанному с осуществлением всеми его сторонами предпринимательской деятельности, либо первоначальный должник выбывает из обязательства (привативный перевод долга), либо первоначальный и новый должники отвечают перед кредитором солидарно (кумулятивный перевод долга). Соглашением сторон также может быть предусмотрена субсидиарная ответственность.

Как следует из положений абз. 1 п. 1 и п. 2 ст. 391 ГК РФ, в случае перевода долга в собственном смысле слова (привативный перевод долга) первоначальный должник имеет возможность заключить соглашение о переводе долга с иным лицом (новым должником) с согласия кредитора, вне зависимости от субъектного статуса участников оборота. В результате заключения соглашения между первоначальным должником и новым должником и согласия кредитора происходит замена лица на стороне должника в обязательстве: первоначальный должник выбывает из обязательства и его обязанность в отношении кредитора прекращается.

При кумулятивном переводе долга имеет место присоединение нового должника к ранее возникшему обязательству, которое в результате такого присоединения по общему правилу трансформируется в обязательство с множественностью лиц на стороне должника (солидарная обязанность). Согласия первоначального должника для заключения соглашения о таком переводе долга не требуется. При этом кумулятивный перевод долга допускается только по обязательствам, связанным с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности (абз. 2 п. 1 и п. 3 ст. 391 ГК РФ).

Как разъяснено в п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 54 “О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки”, если из соглашения кредитора, первоначального и нового должников по обязательству, связанному с осуществлением предпринимательской деятельности, неясно, привативный или кумулятивный перевод долга согласован ими, следует исходить из того, что первоначальный должник выбывает из обязательства (п. 1 ст. 322, ст. 391 ГК РФ).

Таким образом, если воля сторон направлена на перевод долга, то в случае заключения трехстороннего соглашения между первоначальным должником, новым должником и кредитором, из которого неясно, заключен ли перевод долга в соответствии с абз. 1 или 2 п. 1 ст. 391 ГК РФ, указанное соглашение следует рассматривать как направленное на привативный перевод долга, т.е. на замену должника в обязательстве, а не на присоединение к обязательству нового должника.

При этом исполнение нового должника, совершенное при привативном переводе долга, не предоставляет ему прав (требований), в том числе суброгационных или регрессных, к первоначальному должнику. Если при привативном переводе долга отсутствует денежное предоставление со

стороны первоначального должника и не доказано намерение нового должника одарить первоначального, презюмируется, что возмездность подобной сделки имеет иные, не связанные с денежными, основания.

Не связанные с денежными основания возмездности сделки (п. 3 ст. 432 ГК РФ), в частности, могут вытекать из внутригрупповых отношений первоначального и нового должников, из отношений сторон договора вне его рамок, например из заключения новой выгодной сделки, списания долга по другому договору, предоставления иных благ, способных удовлетворять потребности участников оборота.

Соглашение о переводе долга заключено между обществом как первоначальным должником, предпринимателем как новым должником и компанией как кредитором и не предусматривает солидарной либо субсидиарной ответственности первоначального должника перед кредитором.

Судами не установлены обстоятельства, которые бы свидетельствовали о том, что при заключении соглашения предприниматель в действительности преследовал цель выкупить у компании права (требования) к обществу либо стать солидарным должником, что позволяло бы предпринимателю после погашения им обязательств перед компанией требовать уплаты соответствующих сумм от первоначального должника по основаниям, предусмотренным п. 2 ст. 325, п. 1 ст. 382 ГК РФ.

Определение № 304-ЭС22-4310

17. Если требование о расторжении договора займа имеет то же основание, что и требование о возврате суммы займа, порядок исчисления срока исковой давности совпадает.

Между компанией (займодавец) и обществом (заемщик) заключен договор целевого процентного займа, в соответствии с которым сумма займа предоставляется сроком на один год начиная с даты предоставления суммы займа.

Во исполнение обязательств по договору компания 27 апреля 2012 г. перечислила обществу денежные средства. Дополнительным соглашением к договору стороны увеличили сумму займа, которую компания перечислила обществу 4 июня 2012 г.

Ссылаясь на то, что в установленный договором срок общество не исполнило обязательства по возврату денежных средств и по уплате процентов за пользование денежными средствами, компания обратилась в арбитражный суд с иском к обществу о расторжении договора целевого процентного займа.

Решением суда первой инстанции от 21 марта 2021 г. иск удовлетворен. Суд исходил из того, что ответчик сумму займа в согласованные в договоре сроки не возвратил, проценты не уплатил, истец вправе требовать расторжения договора в судебном порядке.

Отклоняя заявление общества о применении исковой давности, суд указал на то, что договор займа не исполнен со стороны заемщика, является действующим, следовательно, срок исковой давности в данном случае не подлежит применению.

Суды апелляционной и кассационной инстанций поддержали выводы суда и, кроме того, посчитали, что срок исковой давности по требованию о расторжении договора займа начинает течь не с даты, когда компания узнала о нарушении сроков возврата суммы займа обществом, а

со дня направления обществу предложения о расторжении договора займа.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты, отказала в удовлетворении иска компании, указав следующее.

Как следует из материалов дела, ранее компания прибегла к судебной защите, предъявив в рамках другого дела требование о взыскании с общества суммы займа и процентов.

Вступившим в законную силу решением от 20 февраля 2020 г. суд отказал в удовлетворении иска компании, применив по заявлению общества исковую давность. Суд пришел к выводу о том, что сумма основного займа должна была быть возвращена обществом в срок до 27 апреля 2013 г., сумма займа, указанная в дополнительном соглашении, — в срок до 4 июня 2013 г., с этого момента компания узнала о нарушении своего права. Таким образом, с учетом предъявления иска 13 апреля 2018 г. трехлетний срок исковой давности истек.

Согласно п. 2 ст. 450 ГК РФ по требованию одной из сторон договор может быть изменен или расторгнут по решению суда при существенном нарушении договора другой стороной, а также в иных случаях, предусмотренных Гражданским кодексом РФ, другими законами или договором.

Компания, предъявляя рассматриваемый иск о расторжении договора займа, сослалась на то, что заемщиком не исполнены обязательства по возврату денежных средств, в связи с чем договор является действующим; поскольку ответ на предложение о расторжении договора от общества не поступил, компания вправе обратиться в суд с требованием о расторжении договора в судебном порядке.

Сроки давности установлены законом для судебной защиты нарушенных гражданских прав (ст. 195 ГК РФ).

В силу пп. 1 и 2 ст. 200 ГК РФ, если законом не установлено иное, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права. По обязательствам с определенным сроком исполнения течение срока исковой давности начинается по окончании срока исполнения.

Поскольку условиями договора займа определен срок возврата полученной обществом суммы займа и начисленных процентов, общество обязано было возвратить полученные по договору и по дополнительному соглашению суммы и уплатить проценты до 27 апреля 2013 г. и 4 июня 2013 г. соответственно.

Таким образом, в указанные даты компании должно было быть известно как о нарушении своего права, так и о лице, его нарушившем, и она имела право выбора способа защиты: требовать от общества возврата полученных сумм займа или требовать в судебном порядке расторжения договора в связи с его существенными нарушениями с соответствующими последствиями (п. 2 ст. 450 ГК РФ).

При одном и том же нарушении права выбор способа его защиты не должен приводить к возможности изменения исчисления срока исковой давности. Иной подход позволил бы манипулировать институтом исковой давности в ущерб принципу правовой определенности в гражданско-правовых правоотношениях.

Правильное определение начала течения срока исковой давности по требованию о расторжении договора займа имело значение для рассмотрения данного иска вне зависимости от избранного компанией способа защиты нарушенного права.

Неисполнение обществом обязательства по возврату займа и факт того, что договор является действующим, сами по себе не могли служить основанием для исчисления срока исковой давности в ином порядке, чем было установлено решением суда по делу о взыскании с общества задолженности в пользу компании.

Условие о сохранении действия договора до полного исполнения обязательств, предусмотренное договором, вопреки позиции судов не влияет на исчисление срока исковой давности и не продлевает его течение, а лишь устанавливает период применимости к отношениям сторон условий договора (ст. 425 ГК РФ).

При этом ссылка компании на наличие у нее права на предъявление в порядке п. 2 ст. 452 ГК РФ иска о расторжении договора в связи с тем, что он является действующим, а общество оставило без ответа предложение о расторжении договора, не свидетельствует о возможности удовлетворения такого иска, когда нарушение условий договора, влекущее в соответствии с п. 2 ст. 450 ГК РФ его расторжение в судебном порядке, имело место за пределами срока исковой давности.

К требованию о расторжении договора в связи с нарушением его условий заемщиком, который не возвратил в определенный договором срок соответствующие суммы займа и процентов, подлежит применению общий трехлетний срок исковой давности, исчисляемый с момента получения компанией информации о нарушении права.

В соответствии с п. 2 ст. 199 ГК РФ, разъяснениями, изложенными в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 “О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности”, истечение срока исковой давности, о применении которой заявило общество, является самостоятельным основанием к вынесению решения об отказе в иске компании с учетом установленного судами факта нарушения обществом условий договора.

Определение № 305-ЭС21-22289

18. Собственник имущества ликвидируемого автономного учреждения может быть привлечен к субсидиарной ответственности по обязательствам учреждения перед контрагентом по публичному договору.

Общество (гарантирующий поставщик) и учреждение (потребитель) заключили договор (контракт) на поставку электрической энергии для государственных (муниципальных) нужд.

Гарантирующий поставщик, ссылаясь на ненадлежащее исполнение учреждением обязательства по оплате электроэнергии, обратился в арбитражный суд с иском к учреждению о взыскании задолженности по оплате электрической энергии, потребленной по договору. К участию в деле в качестве субсидиарного ответчика по обязательствам ликвидируемого учреждения привлечено министерство (как собственник имущества).

Решением арбитражного суда первой инстанции иск удовлетворен за счет учреждения с указанием на то, что при недостаточности денежных

средств у ликвидируемого учреждения долг и неустойка подлежат взысканию с министерства.

Постановлением арбитражного апелляционного суда, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено в части привлечения министерства к субсидиарной ответственности, в удовлетворении иска в этой части отказано.

Суд апелляционной инстанции указал, что в силу п. 5 ст. 2 Федерального закона от 3 ноября 2006 г. № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях» (далее — Закон об автономных учреждениях) собственник имущества автономного учреждения не несет ответственность по обязательствам автономного учреждения (за исключением обязательств, связанных с причинением вреда гражданам). Такой вид учреждений изначально не предусматривал ответственности, в том числе субсидиарной, учредителя-собственника по долгам автономного учреждения.

Также суд апелляционной инстанции сослался на содержащуюся в Определении Конституционного Суда РФ от 9 февраля 2017 г. № 219-О правовую позицию, согласно которой участники гражданско-правовых отношений, приобретаая свои гражданские права своей волей и в своем интересе, будучи свободными в установлении своих прав и обязанностей на основе договора (ст. 1 ГК РФ), в том числе и с муниципальными автономными учреждениями, несут риск неудовлетворения своих имущественных требований.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила судебные акты апелляционного и кассационного судов, решение суда первой инстанции оставила в силе, указав следующее.

Особенности правового статуса автономного учреждения и правового режима его имущества определяют основания и объем субсидиарной ответственности собственника имущества такого учреждения по обязательствам последнего, в том числе при ликвидации.

Согласно п. 3 ст. 123²¹ ГК РФ учреждение отвечает по своим обязательствам находящимися в его распоряжении денежными средствами, а в случаях, установленных законом, также иным имуществом. При недостаточности указанных денежных средств или имущества субсидиарную ответственность по обязательствам учреждения в случаях, предусмотренных пп. 4—6 ст. 123²² и п. 2 ст. 123²³ ГК РФ, несет собственник соответствующего имущества.

На момент образования автономного учреждения — ответчика по делу — действовала ст. 123²² ГК РФ (введенная Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ), в силу п. 6 которой автономное учреждение отвечает по своим обязательствам всем находящимся у него на праве оперативного управления имуществом, за исключением недвижимого имущества и особо ценного движимого имущества, закрепленных за автономным учреждением собственником этого имущества или приобретенных автономным учреждением за счет средств, выделенных собственником его имущества.

По обязательствам автономного учреждения, связанным с причинением вреда гражданам, при недостаточности имущества учреждения, на которое в соответствии с абз. 1 п. 6 ст. 123²² ГК РФ может быть обращено взыскание, субсидиарную ответственность несет собственник имущества автономного учреждения.

Положениями ч. 5 ст. 2 Закона об автономных учреждениях исключалась ответственность собственника имущества автономного учреждения по обязательствам такого учреждения. 6 марта 2022 г. в данную часть внесены изменения, которыми ее положения приведены в соответствие с указанными выше положениями Гражданского кодекса РФ.

Поскольку законодательство не предусматривало и не предусматривает соответствующего объема гарантий для кредиторов муниципальных автономных учреждений (начиная с момента появления такого вида учреждений), это ориентирует контрагентов на проявление необходимой степени осмотрительности еще при вступлении в гражданско-правовые отношения с субъектами, особенности правового статуса которых не позволяют в полной мере прибегнуть к институту субсидиарной ответственности, предполагая возможность использования существующих гражданско-правовых способов обеспечения исполнения обязательств.

Между тем ряд кредиторов автономного учреждения по роду своей деятельности вступает в договорные отношения с учреждением в силу предусмотренной законом обязанности, при отсутствии права на отказ от заключения договора. К таковым относятся контрагенты учреждения по договорам ресурсоснабжения (гарантирующие поставщики, сетевые организации, тепло-, водоснабжающие организации и др.).

В аспекте взаимодействия этих лиц с бюджетными учреждениями Конституционный Суд РФ в Постановлении от 12 мая 2020 г. № 23-П указал, что их обязанность заключить соответствующий публичный договор направлена на защиту интересов потребителей ресурса, что не исключает необходимости поддерживать баланс прав и законных интересов всех действующих в данной сфере субъектов, в частности теплоснабжающей организации — кредитора муниципального бюджетного учреждения.

Применительно к таким контрагентам учреждений Конституционный Суд РФ пришел к выводу о том, что положения п. 5 ст. 123²² ГК РФ не могут обеспечить надлежащего баланса между законными интересами должника и кредитора, поскольку не исключают злоупотреблений правом со стороны должников — муниципальных бюджетных учреждений, имущество которых в ряде случаев оказывается, по сути, “защищено” их публичным собственником от имущественной ответственности перед контрагентами. При отсутствии юридической возможности снять ограничения в отношении возложения субсидиарной ответственности на собственника имущества бюджетного учреждения, в том числе муниципального (включая случаи недостаточности находящихся в его распоряжении денежных средств для исполнения своих обязательств из публичного договора теплоснабжения при его ликвидации), подобное правовое регулирование способно повлечь нарушение гарантируемых Конституцией Российской Федерации прав стороны, заключившей и исполнившей публичный договор и не получившей встречного предоставления.

Истец является гарантирующим поставщиком и снабжает электрической энергией учреждение, находящееся в процедуре ликвидации, по договору энергоснабжения, который положениями ст. 426 ГК РФ отнесен к публичному договору. В силу своего статуса истец обязан вступить в договорные правоотношения с любым потреби-

телем независимо от его организационно-правовой формы и безотносительно того, какие последствия это несет для гарантирующего поставщика в части защиты своих имущественных интересов.

Судебная коллегия посчитала, что изложенная в Постановлении Конституционного Суда РФ от 12 мая 2020 г. № 23-П правовая позиция в равной степени распространяется на автономные учреждения, правовой статус и правовой режим имущества которых во многом тождествен статусу и режиму имущества бюджетных учреждений. Следовательно, может быть привлечен к субсидиарной ответственности по обязательствам ликвидируемого автономного учреждения собственник его имущества (министерства).

Определение № 307-ЭС21-23552

19. Расходы подрядчика на оплату банковской гарантии по государственному контракту, прекращенному по инициативе заказчика, подлежат возмещению в качестве убытков, которые в случае ликвидации заказчика также могут быть взысканы в субсидиарном порядке с главного распорядителя бюджетных средств, в ведении которого находился заказчик.

Между заказчиком и подрядчиком заключен государственный контракт на выполнение строительно-монтажных работ комплексного благоустройства территории военного городка. Исполнение обязательств подрядчика обеспечивалось безотзывной банковской гарантией.

Через полтора месяца после заключения контракта стороны подписали протокол о временной приостановке исполнения обязательств по контракту в связи с ограничением финансирования заказчика.

Впоследствии заказчик обратился к подрядчику с предложением расторгнуть контракт по соглашению сторон в связи с отсутствием финансирования. Не получив согласия подрядчика, заказчик в одностороннем порядке отказался от исполнения контракта.

Подрядчик направил заказчику претензию, в которой требовал возместить затраты на получение банковской гарантии, на подготовку строительной площадки и упущенную выгоду. Неисполнение претензии явилось причиной обращения подрядчика в арбитражный суд с заявлением о взыскании с заказчика, а при недостаточности денежных средств — с главного распорядителя бюджетных средств в порядке субсидиарной ответственности убытков.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленных требований отказано. Суды исходили из того, что данные убытки возникли по вине подрядчика, который не воспользовался возможностью замены обеспечения по государственному контракту, а также не принял мер к прекращению обязательств гаранта перед бенефициаром по основаниям, предусмотренным ст. 378 ГК РФ.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты в части отказа в удовлетворении требований о возмещении убытков, связанных с расходами на оплату банковской гарантии, прекратила производство по делу в отношении заказчика и взыскала с субсидиарного ответчика сумму убытков на основании следующего.

Согласно п. 4 ст. 38 Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ “О размещении заказов

на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд” (действовавшего в период заключения договора) в случае, если заказчиком, уполномоченным органом установлено требование обеспечения исполнения контракта, контракт заключается только после предоставления участником аукциона, с которым заключается контракт, безотзывной банковской гарантии, выданной банком или иной кредитной организацией, или передачи заказчику в залог денежных средств, в том числе в форме вклада (депозита), в размере обеспечения исполнения контракта, предусмотренном документацией об аукционе.

Предоставление обеспечения было обязательным для подрядчика, что со стороны заказчика не отрицалось. К исполнению государственного контракта подрядчик не приступил по вине заказчика, который не более чем через месяц после заключения контракта выступил с предложением о его приостановлении. Расторжение контракта произошло также по инициативе заказчика — в связи с принятием им решения об одностороннем отказе от исполнения государственного контракта при отсутствии со стороны подрядчика нарушения обязательств по контракту.

Расходы на выдачу банковской гарантии понесены подрядчиком в связи с заключением государственного контракта и обязательством его исполнить. При этом подрядчик рассчитывал получить от выполнения строительно-монтажных работ в интересах заказчика доход, компенсирующий все связанные с исполнением контракта затраты, и прибыль. Действия заказчика, в результате которых государственный контракт расторгнут без исполнения, лишили подрядчика этого дохода, поэтому с момента прекращения обязательств сторон по контракту у него возникли убытки в связи с утратой источника, из которого подрядчик добросовестно намеревался возместить понесенные расходы.

Таким образом, расходы подрядчика на оплату банковской гарантии по государственному контракту, прекращенному по обстоятельствам, за которые отвечает заказчик, являются убытками подрядчика, подлежащими возмещению заказчиком (п. 13 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 5 июня 2019 г.).

Кроме этого, суды ошибочно пришли к выводу, что в возникновении убытков в заявленном размере имеется вина подрядчика, поскольку он не предпринял действий к прекращению банковской гарантии и возврату от банка полностью или частично оплаченной комиссии.

Отказывая в иске, суды указали, что подрядчик не воспользовался предусмотренными ст. 378 ГК РФ основаниями в целях прекращения обязательств банка перед заказчиком и сокращения расходов на комиссионное вознаграждение. Однако основания, перечисленные в названной статье, не допускают прекращения независимой гарантии по волеизъявлению принципала, в том числе выраженному бенефициару либо гаранту. Законодательство Российской Федерации не предоставляет подрядчику возможности своими действиями повлиять на прекращение банковской гарантии и получить у банка уплаченное ему комиссионное вознаграждение.

Заказчик ликвидирован и прекратил свою деятельность, что подтверждается сведениями из Единого государственного реестра юридических лиц, опубликованными в открытом доступе в сети “Интернет”.

По п. 1 ст. 65 ГК РФ ликвидация юридического лица влечет его прекращение без перехода в порядке универсального правопреемства его прав и обязанностей к другим лицам.

В соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 150 АПК РФ арбитражный суд прекращает производство по делу, если установит, что организация, являющаяся стороной в деле, ликвидирована.

С учетом данных обстоятельств производство по делу в отношении заказчика подлежит прекращению в связи с его ликвидацией.

По общему правилу, закрепленному в ст. 419 ГК РФ, обязательство прекращается ликвидацией юридического лица (должника или кредитора), кроме случаев, когда законом или иными правовыми актами исполнение обязательства ликвидированного юридического лица возлагается на другое лицо.

Исковые требования подрядчика заявлены к заказчику, а также в субсидиарном порядке к главному распорядителю средств федерального бюджета, в ведомственной подчиненности которого находился заказчик (п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 мая 2019 г. № 13 “О некоторых вопросах применения судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации, связанных с исполнением судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации”).

Субсидиарная ответственность главного распорядителя бюджетных средств по обязательствам подведомственного ему казенного учреждения имеет самостоятельный, независимый от основного обязательства характер, и в случае, если основное обязательство прекращено в связи с ликвидацией должника, кредитор не лишен возможности удовлетворить свое требование за счет субсидиарного должника. Если требование по не исполненному казенным учреждением обязательству заявлено в суд до ликвидации такого учреждения и предъявлено одновременно к главному распорядителю бюджетных средств в порядке субсидиарной ответственности, то при наличии необходимых материально-правовых оснований, подтверждающих неисполненное денежное обязательство, подлежит удовлетворению требование, заявленное к субсидиарному должнику.

Следовательно, убытки, причиненные подрядчику по обстоятельствам, за которые отвечает заказчик, в сумме уплаченного банку комиссионного вознаграждения подлежат возмещению главным распорядителем бюджетных средств в порядке субсидиарной ответственности.

Определение № 305-ЭС22-1225

Споры, связанные с содержанием общего имущества в многоквартирном доме и управлением многоквартирным домом

20. Взносы на капитальный ремонт многоквартирного дома, помещение в котором передано публичным собственником на основании договора безвозмездного пользования (ссуды) учреждению, подлежат уплате собственником помещения.

Министерство (ссудодатель) и учреждение (ссудополучатель) заключили договор безвозмездного пользования, в соответствии с которым учреждению в безвозмездное пользование передан

объект государственного казенного имущества — квартира.

Решением арбитражного суда удовлетворены требования управляющей компании о взыскании задолженности по оплате взносов на капитальный ремонт многоквартирного дома с министерства, являющегося собственником квартиры, переданной по договору безвозмездного пользования учреждению, а также пеней и расходов по уплате государственной пошлины.

Указанное решение министерством исполнено, денежные средства на основании исполнительных документов перечислены в пользу управляющей компании.

Полагая, что взысканные в рамках данного дела денежные средства должны быть уплачены учреждением, фактически использующим спорное помещение, и что на это учреждение договором возложена обязанность оплачивать коммунальные услуги и взносы на капитальный ремонт, министерство обратилось в арбитражный суд с иском.

Решением арбитражного суда первой инстанции исковое заявление министерства к учреждению, рассмотренное в порядке упрощенного производства, удовлетворено.

Постановлением арбитражного апелляционного суда решение суда первой инстанции отменено, поскольку данное дело, связанное с обращением взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, не подлежит рассмотрению в порядке упрощенного производства. Исковые требования удовлетворены частично.

Суд апелляционной инстанции, признав, что расходы, связанные с эксплуатацией переданного в безвозмездное пользование имущества, включают в том числе оплату взносов на капитальный ремонт многоквартирного дома, пришел к выводу о причинении ответчиком, осуществляющим фактическое пользование жилым помещением, истцу убытков в результате неправомерного уклонения от исполнения обязанности по несению расходов на содержание имущества.

Постановлением арбитражного суда округа постановление суда апелляционной инстанции оставлено без изменения.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановления арбитражного апелляционного суда и арбитражного суда округа и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

В соответствии с положениями ст. 210 ГК РФ, ст.ст. 39, 158 ЖК РФ (в редакции Федерального закона от 25 декабря 2012 г. № 271-ФЗ “О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации”, которым введен в действие раздел IX, регулирующий порядок организации проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах) собственники жилых и нежилых помещений в многоквартирном доме обязаны нести расходы на содержание принадлежащих им помещений, а также участвовать в расходах на содержание общего имущества в многоквартирном доме соразмерно своей доле в праве общей собственности на это имущество путем внесения за это соответствующей платы.

Согласно п. 2 ч. 2 ст. 154 ЖК РФ плата за жилое помещение и коммунальные услуги для собственника помещения в многоквартирном доме включает в себя взнос на капитальный ремонт.

В силу ст.ст. 158, 169 ЖК РФ собственники помещений в многоквартирном доме обязаны уплачивать ежемесячные взносы на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме соразмерно своей доле в праве общей собственности на это имущество.

Как следует из ч. 5 ст. 170 ЖК РФ, обязанность по внесению взноса на капитальный ремонт возникает у собственника помещения в многоквартирном доме с момента официального опубликования утвержденной региональной программы капитального ремонта, в которую включен дом, а также с принятием на общем собрании собственников помещений в многоквартирном доме решения о формировании фонда капитального ремонта.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 12 апреля 2016 г. № 10-П “По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 169, частей 4 и 7 статьи 170 и части 4 статьи 179 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с запросами групп депутатов Государственной Думы” указал, что несение расходов по содержанию общего имущества в многоквартирном доме (фактически — здания и его конструктивных элементов), включая расходы на капитальный ремонт, для каждого из собственников помещений в этом доме — не просто неотъемлемая часть бремени содержания принадлежащего ему имущества (ст. 210 ГК РФ), но и обязанность, которая вытекает из факта участия в праве собственности на общее имущество и которую участники общей долевой собственности несет, в частности, перед другими ее участниками, чем обеспечивается сохранность как каждого конкретного помещения в многоквартирном доме, так и самого дома в целом.

Таким образом, собственник помещения, расположенного в многоквартирном доме, в силу прямого указания закона обязан нести расходы по содержанию и ремонту общего имущества, а также уплату взносов на капитальный ремонт.

Полагая, что указанная обязанность может быть возложена на ответчика как ссудополучателя по заключенному с ним договору, суды не учли следующее.

В соответствии со ст. 695 ГК РФ ссудополучатель обязан поддерживать вещь, полученную в безвозмездное пользование, в исправном состоянии, включая осуществление текущего и капитального ремонта, и нести все расходы на ее содержание, если иное не предусмотрено договором безвозмездного пользования.

Данная статья определяет отношения сторон такого договора относительно переданных в безвозмездное пользование помещений, возлагает на ссудополучателя обязанности по содержанию объекта ссуды. Из условий договора безвозмездного пользования недвижимого имущества, регулирующего отношения министерства и учреждения, следует, что учреждение приняло в безвозмездное пользование имущество (четырёхкомнатную квартиру) и обязуется нести расходы, связанные с его эксплуатацией.

Таким образом, права и обязанности у ссудополучателя возникают в силу заключенного сторонами договора, это лицо не обладает вещными правами на передаваемые помещения, гражданское и жилищное законодательство не содержат

норм о возложении обязанностей на ссудополучателя по содержанию общего имущества многоквартирного дома наряду с собственниками помещений, находящихся в таком доме, в том числе по уплате взносов на капитальный ремонт.

Из договора также не следует, что на учреждение возложены обязанности по несению расходов на содержание и ремонт общего имущества многоквартирного дома, по уплате взносов на капитальный ремонт общего имущества в доме, в котором расположено переданное в безвозмездное пользование имущество.

Определение № 309-ЭС22-2604

Практика применения земельного и природоохранного законодательства

21. Оспаривание выкупной стоимости земельного участка, находящегося в аренде, лицом, имеющим намерение на его выкуп, увеличивает срок вынужденной аренды и возлагает на это лицо дополнительные расходы в виде платы за пользование имуществом в период урегулирования спора, в том числе убытки, причиненные неправомерными действиями уполномоченного органа при определении выкупной стоимости.

Индивидуальный предприниматель глава крестьянского (фермерского) хозяйства с 1999 года являлся арендатором земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения, право собственности на который зарегистрировано за субъектом Российской Федерации.

Вступившими в законную силу судебными актами по иску предпринимателя к департаменту об урегулировании разногласий по договору купли-продажи указанного земельного участка установлен факт неправомерного и необоснованного завышения департаментом в проекте договора выкупной стоимости земельного участка, а также правомерность позиции предпринимателя о заключении договора купли-продажи на предложенных предпринимателем условиях.

В дальнейшем предприниматель обратился в арбитражный суд с иском к департаменту о взыскании убытков, представляющих собой разницу между суммой внесенной предпринимателем арендной платы и суммой земельного налога, подлежащего уплате в случае заключения договора купли-продажи земельного участка по цене, предложенной истцом.

Удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что предприниматель, уплачивая арендную плату до момента государственной регистрации перехода права собственности на земельный участок, понес убытки в виде разницы между суммами внесенной арендной платы и причитающегося за соответствующий период земельного налога. Между тем при надлежащем исполнении департаментом своих обязанностей по определению выкупной цены право собственности на земельный участок и статус плательщика земельного налога должны были перейти к предпринимателю с апреля 2018 г. Неправомерность действий департамента как причинителя вреда выразилась в определении им выкупной стоимости земельного участка в нарушение требований закона.

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении иска, суды апелляционной и кассационной инстанций указали, что право предпринимателя на взыскание убытков с департамента зависит от избранного им способа защиты нарушенного права. По мнению судов, право на взыскание убытков возможно лишь в случае признания незаконными по правилам гла-

вы 24 АПК РФ действий департамента. Между тем предприниматель ранее обращался в суд с требованием об урегулировании разногласий в соответствии со ст. 445 ГК РФ, т.е. воспользовался правом на передачу преддоговорного спора на разрешение суда, в связи с чем самостоятельно несет все неблагоприятные последствия в виде необходимости внесения арендных платежей в силу длительного рассмотрения этого спора судом.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила судебные акты судов апелляционной и кассационной инстанций, решение суда первой инстанции оставила в силе, указав следующее.

Иск о взыскании убытков обусловлен неправомерными действиями департамента при определении выкупной цены земельного участка на основании соответствующего нормативного акта для цели заключения договора купли-продажи и заявлен после рассмотрения дела об урегулировании разногласий. Разрешение спора между сторонами о выкупной цене земельного участка осуществлено в порядке искового производства.

В силу п. 4 ст. 445 ГК РФ (в ред. Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ), если сторона, для которой в соответствии с данным Кодексом или иными законами заключение договора обязательно, уклоняется от его заключения, другая сторона вправе обратиться в суд с требованием о понуждении заключить договор. В этом случае договор считается заключенным на условиях, указанных в решении суда, с момента вступления в законную силу соответствующего решения суда.

Как следует из положений п. 5 ст. 39¹⁷ ЗК РФ, процедура рассмотрения заявления о выкупе должна быть завершена подготовкой проекта договора купли-продажи, предшествовать которой должны действия по определению стоимости земельного участка.

Судами установлено, что цена выкупа спорного земельного участка должна быть определена на основании постановления главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 25 марта 2015 г. № 226, на что указано предпринимателем в протоколе разногласий.

Департамент, получив заявление предпринимателя, содержащее его волеизъявление на выкуп арендованного земельного участка, должен был подготовить проект договора купли-продажи, надлежащим образом рассчитав его цену в соответствии с нормативным актом, но не совершил требуемые действия, что повлекло необходимость урегулирования спора в судебном порядке и внесения арендной платы предпринимателем за период рассмотрения дела в суде.

Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ в Обзоре практики рассмотрения арбитражными судами дел о возмещении вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами (информационное письмо от 31 мая 2011 г. № 145), разъяснено, что отсутствие признания ненормативного правового акта в судебном порядке недействительным, а также решения или действия (бездействия) государственно-органа незаконными само по себе не является основанием для отказа в иске о возмещении вреда, причиненного таким актом, решением или действиями (бездействием). В названном случае суд оценивает законность соответствующего ненормативного акта, решения или действий (без-

действия) государственного или муниципального органа (должностного лица) при рассмотрении иска о возмещении вреда (п. 4). Требуя возмещения вреда, истец обязан представить доказательства, обосновывающие противоправность акта, решения или действий (бездействия) органа (должностного лица), которыми истцу причинен вред. При этом бремя доказывания обстоятельств, послуживших основанием для принятия такого акта или решения либо для совершения таких действий (бездействия), лежит на ответчике (п. 5).

Удовлетворение иска предпринимателя в споре об урегулировании разногласий позволяет признать действия уполномоченного органа по определению выкупной цены земельного участка неправомерными, нарушающими права истца.

Неправильное применение уполномоченным органом нормативного акта при определении выкупной цены влечет необходимость ее оспаривания заинтересованными лицами, увеличение срока вынужденной аренды и дополнительные расходы в виде платы за пользование имуществом в период урегулирования спора.

Таким образом, поскольку единственно возможным способом восстановления нарушенного права предпринимателя явилось предъявление им иска к департаменту об урегулировании разногласий при заключении договора купли-продажи земельного участка в части его выкупной цены, отказ судов апелляционной и кассационной инстанций в иске нельзя признать законным и обоснованным, в связи с чем отсутствовали основания для отмены решения суда первой инстанции.

Определение № 308-ЭС21-23454

Практика применения законодательства о защите конкуренции

22. Антимонопольный орган не вправе осуществлять антимонопольный контроль за торгами, проводимыми в рамках дела о банкротстве, за исключением случаев, когда результаты проведения торгов влияют на состояние конкуренции на соответствующих товарных рынках.

На официальном сайте Единого федерального реестра сведений о банкротстве и на электронной площадке оператора обществом было размещено объявление о проведении торгов в форме аукциона, открытого по составу участников, с закрытой формой подачи предложений о цене по продаже имущества должника.

Торги проводились на основании положений ст. 110, п. 3 ст. 111, п. 4 ст. 138, п. 3 ст. 139 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Полагая, что состав и состояние реализуемого имущества не соответствуют тем сведениям об имуществе, которые указаны в положении № 1 о порядке, сроках и условиях реализации имущества должника, утвержденном комитетом кредиторов должника, и в объявлении о проведении торгов, гражданин обратился в антимонопольный орган с жалобой на действия оператора и организатора торгов, не предоставивших сведения о наличии арендных отношений между обществом и должником в отношении объекта торгов.

Антимонопольный орган признал указанную жалобу обоснованной и вынес решение о неправомерном неуказании организатором торгов в объявлении о проведении торгов сведений о существующих обременениях в отношении продаваемого имущества.

Общество обратилось в арбитражный суд с требованием о признании решения антимонопольного органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленного требования отказано.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и удовлетворила требования общества по следующим основаниям.

Согласно п. 4² ч. 1 ст. 23 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ “О защите конкуренции” антимонопольные органы наделены полномочиями по рассмотрению жалоб на нарушение процедуры обязательных в соответствии с законодательством Российской Федерации торгов.

По смыслу взаимосвязанных положений ч. 1 ст. 1, чч. 1 и 4 ст. 17, ч. 5 ст. 18 указанного Закона антимонопольный контроль допускается в отношении процедур, обязательность проведения которых прямо предусмотрена законом и введена в целях предупреждения и пресечения монополистической деятельности, формирования конкурентного товарного рынка, создания условий его эффективного функционирования.

Анализ приведенных положений законодательства позволяет сделать вывод о том, что антимонопольный контроль за торгами, в том числе контроль за соблюдением процедуры торгов, ограничен случаями, когда результаты проведения определенных торгов способны оказать влияние на состояние конкуренции на соответствующих товарных рынках.

Исходя из положений п. 3 ч. 2 ст. 23 Федерального закона “О защите конкуренции” вывод о наличии оснований для антимонопольного контроля за торгами в конкретных случаях также может быть сделан по результатам проведенного антимонопольным органом анализа состояния конкуренции, если они свидетельствуют о значимости исхода торгов с точки зрения предупреждения и пресечения монополистической деятельности, формирования конкурентного товарного рынка, создания условий его эффективного функционирования.

В свою очередь, реализация имущества должника посредством проведения торгов в конкурсном производстве подчинена общей цели названной процедуры — наиболее полному удовлетворению требований кредиторов исходя из принципов очередности и пропорциональности, что следует из положений абз. 16 ст. 2, ст.ст. 110, 111, 124, 139 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”.

Таким образом, в отличие от антимонопольного контроля, целью которого является защита публичного интереса (недопущение ограничения, устранения конкуренции на рынке, обеспечение и развитие конкуренции), контроль за торгами по продаже имущества в процедурах банкротства должника преследует цель защиты частного интереса: как интереса самого должника, так и интереса его конкурсных кредиторов. При этом при проведении торгов должен обеспечиваться баланс между интересами названных лиц.

Проводимые в рамках процедур банкротства (конкурсное производство, процедура реализации имущества гражданина) торги не преследуют в качестве своей основной цели обеспечение и развитие конкуренции на тех или иных товарных

рынках, а произвольное вмешательство антимонопольных органов в их проведение способно негативно повлиять на возможность своевременного и максимального удовлетворения интересов кредиторов от реализации имущества, притом что за проведением названных торгов осуществляется судебный контроль в рамках дела о банкротстве.

Следовательно, осуществление антимонопольного контроля за торгами, проводимыми в рамках дел о банкротстве, не является безусловным и в каждом случае требует обоснования со стороны антимонопольного органа с точки зрения реализации целей Федерального закона “О защите конкуренции”.

В данном случае антимонопольным органом осуществлен контроль за торгами по продаже имущества должника-банкрота, проводимыми в целях удовлетворения интересов кредиторов должника, заинтересованных в погашении своих имущественных требований.

С учетом изложенного следует признать обоснованным довод общества о превышении антимонопольным органом установленных законом полномочий при вынесении оспариваемого решения.

Определение № 305-ЭС22-763

23. Установление в качестве квалификационного критерия оценки заявок на участие в закупке наличия у участников опыта выполнения работ исключительно по государственным (муниципальным) контрактам приводит к нарушению принципа равноправия и ограничивает свободу и доступ к публичным процедурам, предусмотренным Федеральным законом “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд”.

Государственным учреждением проводился открытый конкурс в электронной форме на выполнение работ по изготовлению протезов нижних конечностей для обеспечения инвалидов.

В конкурсной документации заказчик в качестве критерия оценки заявок на участие в конкурсе установил наличие у участников опыта выполнения соответствующих работ исключительно по государственным контрактам.

Участник закупки обратился с жалобой в антимонопольный орган, полагая, что действия заказчика при проведении открытого конкурса нарушают нормы Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд” (далее — Закон № 44-ФЗ) в части установления в конкурсной документации необъективных и несопоставимых критериев оценки заявок.

Антимонопольный орган признал жалобу участника закупки обоснованной, выявив в действиях учреждения нарушения требований ст. 8, ч. 8 ст. 32, п. 8 ч. 1 ст. 54³ Закона № 44-ФЗ (в редакции, действовавшей в период спорных правоотношений). В целях устранения указанных нарушений учреждению выдано соответствующее предписание.

Не согласившись с предписанием антимонопольного органа, учреждение обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании его незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, требования учреждения удовлетворены.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила судебные акты и отказала в удовлетворении заявленных требований по следующим основаниям.

В ст. 8 Закона № 44-ФЗ предусмотрено, что одним из основных принципов контрактной системы является принцип обеспечения конкуренции, заключающийся в создании равных условий для обеспечения конкуренции между участниками закупок и устанавливающий, что любое заинтересованное лицо имеет возможность в соответствии с законодательством Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами о контрактной системе в сфере закупок стать поставщиком (подрядчиком, исполнителем).

Частью 1 ст. 32 Закона установлены критерии оценки заявок участников закупки, одним из которых является квалификация участников закупки, в том числе наличие у них финансовых ресурсов, на праве собственности или ином законном основании оборудования и других материальных ресурсов, опыта работы, связанного с предметом контракта, и деловой репутации, специалистов и иных работников определенного уровня квалификации.

Показатели указанного критерия установлены в п. 27 Правил оценки заявок, окончательных предложений участников закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, утвержденных постановлением Правительства РФ от 28 ноября 2013 г. № 1085 (действовавших до вступления в силу с 1 января 2022 г. постановления Правительства РФ от 31 декабря 2021 г. № 2604, далее — Правила оценки заявок), одним из которых является опыт участника по успешной поставке товара, выполнению работ, оказанию услуг сопоставимого характера и объема.

Основная функция критерия оценки заключается в том, чтобы обеспечить заказчику возможность из общего числа участников выбрать то лицо, которое будет максимально соответствовать потребностям публично-правового образования в качественном и своевременном выполнении работ, учитывая специфику объекта закупки, при этом заказчиком должны быть соблюдены принципы создания равных условий для обеспечения конкуренции между участниками закупок.

Обосновывая включение в конкурсную документацию нестоимостного критерия подтверждения опыта участника торгов только исполненными государственными контрактами, учреждение ссылалось на отсутствие нормативного запрета (ограничения) на установление таких критериев. Кроме того, по мнению учреждения, право ограничивать круг участников конкурса по названному критерию обусловлено спецификой закупки и социальной значимостью выполнения работ по изготовлению протезов в целях выявления наиболее квалифицированного участника закупки.

Суды, согласившись с доводами учреждения, указали, что установленный нестоимостной критерий сам по себе соответствует Правилам оценки заявок и не ограничивает конкуренцию, поскольку участники в этой части находились в равных условиях.

Между тем, вопреки выводам учреждения и позиции арбитражных судов по данному вопросу, Правилами оценки заявок установлено, что опыт выполнения работ участниками закупки определяется исключительно фактом выполнения работ, связанных с предметом контракта, сопоставимого характера и объема. При этом ни объем, ни харак-

тер работ не зависят от того, в чьих интересах они выполняются — в частных или в публичных.

Следовательно, установление в качестве квалификационного критерия наличия опыта у участника конкурса в исполнении работ по государственным (муниципальным) контрактам приводит к нарушению принципа равноправия, ограничивает конкуренцию по отношению ко всем участникам открытого конкурса и свободный доступ к проводимым публичным процедурам, создает неравные условия и ставит в преимущественное положение хозяйствующих субъектов, у которых имеется опыт участия в исполнении исключительно государственных (муниципальных) контрактов. При этом позиция учреждения, заключающаяся в том, что спорный критерий способствует выявлению более квалифицированного участника, не находит своего подтверждения в материалах дела.

Таким образом, действия заказчика в части установления требований к участникам закупки о предоставлении в составе заявки исполненных участником закупок контрактов на выполнение работ по изготовлению протезов нижних конечностей исключительно в рамках Закона № 44-ФЗ нарушают требования ст. 8, ч. 8 ст. 32, п. 8 ч. 1 ст. 54³ этого Закона.

Соответственно, у судов не было оснований для удовлетворения заявленных требований.

Определение № 309-ЭС22-462

Практика применения административного законодательства

24. По спорам, возникающим между территориальными фондами обязательного медицинского страхования при реализации государственной политики в сфере обязательного медицинского страхования, положения ст. 395 ГК РФ не применяются.

Медицинская организация Санкт-Петербурга, оказавшая медицинскую помощь пациентке, застрахованной в Вологодской области, выставила территориальному фонду обязательного медицинского страхования Санкт-Петербурга счета за оказанные медицинские услуги, которые были оплачены.

Территориальный фонд ОМС Санкт-Петербурга направил счет территориальному фонду ОМС Вологодской области для возмещения средств в рамках межтерриториальных расчетов. Территориальный фонд ОМС Вологодской области отказал в оплате счета, указав на необходимость направления счета в Вологодский филиал страховой компании.

Не согласившись с отказом, территориальный фонд ОМС Санкт-Петербурга направил в адрес территориального фонда ОМС Вологодской области претензию с требованием уплаты денежных средств, неисполнение которой послужило основанием для обращения территориального фонда ОМС Санкт-Петербурга в арбитражный суд с иском о взыскании долга по оплате медицинской помощи и процентов за пользование чужими денежными средствами.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, заявленные требования удовлетворены в полном объеме.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты в части взыскания с территориального фонда ОМС Вологодской области процентов за пользование чужими денежными средствами, указав следующее.

В силу п. 1 ст. 395 ГК РФ в случаях неправомерного удержания денежных средств, уклонения от их возврата, иной просрочки в их уплате подлежат уплате проценты на сумму долга. Размер процентов определяется ключевой ставкой Банка России, действовавшей в соответствующие периоды. Эти правила применяются, если иной размер процентов не установлен законом или договором.

Пунктом 3 ст. 2 ГК РФ предусмотрено, что к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим финансовым и административным отношениям, гражданское законодательство не применяется, если иное не предусмотрено законодательством.

Согласно положениям ст. 34 Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» территориальный фонд ОМС осуществляет в том числе управление средствами ОМС на территории субъекта Российской Федерации, предназначенными для обеспечения гарантий бесплатного оказания застрахованным лицам медицинской помощи в рамках программ ОМС и в целях обеспечения финансовой устойчивости ОМС на территории субъекта Российской Федерации, а также решения иных задач, установленных указанным Законом, положением о территориальном фонде, законом о бюджете территориального фонда; аккумулирует средства ОМС и управляет ими, осуществляет финансовое обеспечение реализации территориальных программ ОМС в субъектах Российской Федерации, формирует и использует резервы для обеспечения финансовой устойчивости ОМС в порядке, установленном Федеральным фондом; осуществляет контроль за использованием средств ОМС страховыми медицинскими организациями и медицинскими организациями, в том числе проводит проверки и ревизии.

Денежные средства ОМС являются федеральной собственностью; территориальный фонд ОМС может только управлять государственными средствами ОМС, имеющими целевое значение, а также осуществлять государственный контроль за поступлением и расходованием этих средств.

В рассматриваемом случае отсутствует неправомерное пользование денежными средствами территориального фонда ОМС Санкт-Петербурга со стороны территориального фонда ОМС Вологодской области.

Обязанность территориального фонда ОМС по месту страхования возместить территориальному фонду ОМС по месту оказания медицинской помощи расходы по оплате медицинской помощи, оказанной в рамках базовой программы ОМС лицам, застрахованным в других субъектах Российской Федерации, установлена не Гражданским кодексом РФ, а Федеральным законом «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» и правилами ОМС.

Правоотношения между территориальными фондами ОМС не являются по своей природе обязательственными правоотношениями, не носят гражданско-правового характера и возникли не в силу договорных отношений, а относятся, по сути, к финансовым и административным отношениям.

Таким образом, положения ст. 395 ГК РФ к спорным правоотношениям не применимы.

Определение № 307-ЭС21-25271

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Вопросы квалификации

25. По смыслу закона соисполнителем убийства признается лицо, непосредственно участвовавшее в процессе лишения жизни потерпевшего совместно с другими лицами (соучастниками).

Установлено, что С. заранее договорился с Б. об убийстве Г., с этой целью они вдвоем применили к потерпевшей насилие: С. душил Г., сдавливая ее шею правой рукой, причинив механическую асфиксию, после чего Б. ножом нанесла потерпевшей колото-резаную рану шеи. В результате указанных действий наступила смерть Г.

Действия С. квалифицированы судом по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ как умышленное причинение смерти другому человеку, совершенное группой лиц по предварительному сговору.

По этому же делу осуждена Б.

В кассационной жалобе осужденный С. оспаривал выводы суда о наличии у него умысла, мотива и сговора на убийство Г., поскольку они основаны на показаниях осужденной этим же приговором Б., от которых последняя отказалась в суде, и не подтверждаются иными собранными по делу доказательствами. С. ссылался на то, что он лишь удерживал Г., причинив ей телесные повреждения, после его действий потерпевшая была жива, на предложение Б. убить Г. он ответил отказом.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила приговор без изменения, а кассационную жалобу — без удовлетворения, мотивировав свое решение следующим.

Выводы суда о виновности С. в совершении преступлений основаны на исследованных в судебном заседании доказательствах, в частности показаниях Б., которые даны ею в ходе предварительного расследования уголовного дела и подтверждены в судебном заседании, показаниях С., данных протокола осмотра места происшествия, заключениях экспертов.

Доводы С. о том, что он лишь удерживал Г. за шею, но не душил ее, опровергаются заключением комиссионной судебно-медицинской экспертизы, показаниями эксперта Н. с разъяснением этого заключения, а также показаниями Б., из которых следует, что после удушения потерпевшей С., продолжавшегося около 2—3 минут, Г. перестала подавать внешние признаки жизни. То обстоятельство, что Г. была жива до нанесения ей удара ножом, не может свидетельствовать о неправильной квалификации действий С., поскольку из заключения и показаний эксперта следует, что после действий С. и Б. по удушению потерпевшей последняя находилась в агональном состоянии и эти действия являются непосредственной причиной смерти Г. так же, как и нанесение колото-резаной раны шеи.

Вопреки приведенным в кассационной жалобе доводам С. о его добровольном отказе от совершения преступления, он фактически совершил все насильственные действия, направленные на убийство Г., и эти действия привели к смерти потерпевшей.

Также он был осведомлен о намерении Б. причинить Г. смерть, удерживал потерпевшую за шею в тот момент, когда Б. душила потерпевшую телефонным проводом, а позже передал Б. нож, когда она сказала, что Г. нельзя оставлять живой.

Таким образом, правовая оценка действий осужденного С. является правильной.

Определение № 59-УД21-8-А5

26. По п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии) надлежит квалифицировать умышленное причинение смерти потерпевшему, не способному в силу возраста, физического состояния здоровья или других обстоятельств защитить себя, оказать активное сопротивление виновному при условии, что последний, совершая убийство, осознает это обстоятельство.

По приговору Омского областного суда от 28 апреля 2021 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции) Ц. осуждена по п. “в” ч. 4 ст. 162, пп. “в”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Исходя из установленных фактических обстоятельств дела, суд квалифицировал действия Ц. как нападение в целях хищения чужого имущества с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, с применением предмета, используемого в качестве оружия, с причинением тяжкого вреда здоровью, убийство У., 1932 года рождения, заведомо находившейся в беспомощном состоянии, сопряженное с разбоем.

В кассационной жалобе адвокат П. в интересах осужденной просил отмене судебных решений и о направлении дела на новое судебное разбирательство либо об их изменении ввиду неправильной правовой оценки ее действий.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 13 января 2022 г. оставила приговор и апелляционное определение без изменения, а кассационную жалобу — без удовлетворения по следующим основаниям.

По смыслу уголовного закона по п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ надлежит квалифицировать умышленное причинение смерти потерпевшему, не способному в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая убийство, осознает это обстоятельство. К лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные, престарелые, лица, страдающие психическими расстройствами, лишающимися их способности правильно воспринимать происходящее.

Как установлено судом, осужденная Ц. достоверно знала о преклонном возрасте потерпевшей У., ее неспособности в силу физического состояния защитить себя и осознавала эти обстоятельства.

Таким образом, суд правильно квалифицировал действия осужденной по п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Определение № 50-УД21-13-А5

Назначение наказания

27. Совершение особо тяжких преступлений лицом, имеющим непогашенные судимости за совершение тяжких преступлений, образует особо опасный рецидив преступлений независимо от того, в каком порядке было отменено условное осуждение по предыдущему приговору — по правилам ч. 3 или ч. 5 ст. 74 УК РФ.

По приговору Красноярского краевого суда от 27 октября 2020 г. К. (ранее судимый 29 декабря 2014 г., с учетом внесенных изменений, по ч. 2 ст. 228 УК РФ к трем годам лишения свободы условно с испытательным сроком три года один месяц; 3 ноября 2015 г. по ч. 2 ст. 228 УК РФ с применением ч. 5 ст. 74, ст. 70 УК РФ к трем годам одному месяцу лишения свободы, освобожден 17 августа 2018 г. по отбытии наказания) осужден по пп. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ (в ред. Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ) к пятнадцати годам лишения свободы с ограничением свободы на один год, по п. “в” ч. 4 ст. 162 УК РФ

(в ред. Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ) к десяти годам лишения свободы, по ч. 1 ст. 119 УК РФ (в ред. Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) к одному году лишения свободы, на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений к шестнадцати годам лишения свободы с ограничением свободы на один год с отбыванием основного наказания в исправительной колонии особого режима.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 22 апреля 2021 г. приговор в отношении К. изменен, в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ К. освобожден от назначенного ему по ч. 1 ст. 119 УК РФ наказания в связи с истечением срока давности уголовного преследования, на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных пп. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 и п. “в” ч. 4 ст. 162 УК РФ, путем частичного сложения наказаний К. окончательно назначено пятнадцать лет шесть месяцев лишения свободы с ограничением свободы на один год с отбыванием основного наказания в исправительной колонии особого режима.

В кассационной жалобе осужденный К. указывал, что суд неправомочно установил в его действиях особо опасный рецидив преступлений и назначил отбывание лишения свободы в исправительной колонии особого режима. По мнению К., судимость по приговору от 29 декабря 2014 г. не могла учитываться, так как условное осуждение не отменялось и он не направлялся в места лишения свободы.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила приговор и последующие судебные решения без изменения, указав следующее.

Как усматривается из приговора, в действиях К. признано наличие особо опасного рецидива преступлений на основании положений п. “б” ч. 3 ст. 18 УК РФ, в соответствии с которыми рецидив преступлений признается особо опасным при совершении лицом особо тяжкого преступления, если ранее оно 2 раза было осуждено за тяжкое преступление или ранее осуждалось за особо тяжкое преступление.

В приговоре указано, что К. был дважды судим за тяжкие преступления (29 декабря 2014 г. по ч. 2 ст. 228 УК РФ и 3 ноября 2015 г. по ч. 2 ст. 228 УК РФ), судимости за которые не были погашены или сняты в установленном законом порядке.

При этом не имеет значения, в каком порядке отменено условное осуждение по приговору от 29 декабря 2014 г. — по правилам ч. 3 ст. 74 УК РФ либо в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 74 УК РФ.

Назначенное осужденному наказание с учетом внесенных судом апелляционной инстанции изменений отвечает требованиям ст.ст. 6, 43 УК РФ.

Определение № 53-УД21-35-А5

28. Если вследствие принятия нового уголовного закона устранена преступность деяния, за которое лицо было осуждено по предыдущему приговору, наказание за это деяние не может быть учтено при назначении окончательного наказания по совокупности приговоров.

По приговору Кемеровского областного суда от 31 июля 2008 г., постановленному с участием присяжных заседателей, Ш. (ранее судимый 21 декабря 2001 г. по п. “в” ч. 3 ст. 132 УК РФ к четырем годам лишения свободы, освобожден 20 декабря 2005 г. по отбытии наказания; 20 сентября 2006 г.

по ч. 1 ст. 158 УК РФ к одному году трем месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком три года) осужден по п. “а” ч. 2 ст. 105 УК РФ к девятнадцати годам лишения свободы. На основании ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров путем частичного присоединения неотбытого наказания по приговору от 20 сентября 2006 г. Ш. назначено двадцать лет лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

В кассационном представлении ставился вопрос об отмене приговора и о направлении дела на новое судебное разбирательство в связи с неправильным применением уголовного закона, в частности ст. 70 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор изменила, исключив указание о назначении окончательного наказания по совокупности приговоров по правилам ст. 70 УК РФ, поскольку по приговору от 20 сентября 2006 г. Ш. был признан виновным в хищении чужого имущества на сумму 1500 руб. путем кражи при отсутствии квалифицирующих признаков, предусмотренных чч. 2—4 ст. 158 УК РФ, что с учетом внесенных Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ изменений в Уголовный кодекс РФ не относится к уголовно наказуемому деянию.

При этом Судебная коллегия Верховного Суда РФ определила считать Ш. осужденным по п. “а” ч. 2 ст. 105 УК РФ к девятнадцати годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

Определение № 81-О21-2СП

29. При назначении наказания лицу, признанному вердиктом присяжных заседателей заслуживающим снисхождения, отягчающие обстоятельства не учитываются.

По приговору Московского городского суда от 4 июля 2006 г., постановленному с участием присяжных заседателей, Б. (судимый 27 июня 2001 г. по пп. “б”, “в”, “г” ч. 2 ст. 158 УК РФ к трем годам лишения свободы, освобожден 14 октября 2003 г. условно-досрочно) осужден по пп. “д”, “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ к семнадцати годам

лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

В кассационном порядке, предусмотренном главой 45 УПК РФ, приговор не обжаловался.

В кассационной жалобе Б., ссылаясь на признание вины и раскаяние в содеянном, просил о смягчении наказания.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 27 января 2022 г., рассмотрев уголовное дело по кассационной жалобе осужденного, изменила приговор, указав следующее.

Согласно ч. 4 ст. 65 УК РФ при назначении наказания лицу, признанному вердиктом присяжных заседателей виновным в совершении преступления, но заслуживающим снисхождения, обстоятельства, отягчающие наказание, не учитываются.

Вердиктом коллегии присяжных заседателей Б. признан заслуживающим снисхождения за преступление, предусмотренное пп. “д”, “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Суд в нарушение требований ч. 4 ст. 65 УК РФ при назначении Б. наказания признал, что обстоятельством, отягчающим наказание, в соответствии с п. “а” ч. 1 ст. 63 УК РФ является рецидив преступлений.

Данное нарушение уголовного закона при назначении осужденному наказания является существенным, повлиявшим на исход дела.

На основании изложенного Судебная коллегия изменила приговор: исключила из описательно-мотивировочной части указание о признании в качестве отягчающего наказания обстоятельства рецидив преступлений, смягчила назначенное Б. по пп. “д”, “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ наказание до шестнадцати лет десяти месяцев лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

Определение № 5-УД21-152

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
21 декабря 2022 г.)*

(Окончание в следующем номере)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Серков П.П. (главный редактор), **Астахов С.В.**, **Борисова Е.Е.**, **Глазов Ю.В.**,
Давыдов В.А., **Дзыбан А.А.**, **Журавлева Е.М.**, **Момотов В.В.**, **Нефедов О.Н.**,
Петрова Т.А., **Подносова И.Л.**, **Пчелинцева Л.М.**, **Рудаков С.В.**,
Хаменков В.Б., **Хомчик В.В.**, **Шилохвост О.Ю.**

**Государственное учреждение —
издательство “Юридическая литература”
Администрации Президента Российской Федерации**

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться
по телефону 495-690-10-55.

E-mail: Yurizdat@gov.ru
http://www.jurizdat.ru

**ЧИТАЙТЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ**

Подписано в печать 31.03.2023. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,58. Уч.-изд. л. 7,14. Тираж 7315 экз. Заказ 29-2023.

Отпечатано в ООО “СИНТЕРИЯ”.
127422, г. Москва, ул. Тимирязевская, д. 1, стр. 2, этаж 3, помещение I, чк 11.
Телефон: 495-636-27-08. E-mail: sinteria23051@yandex.ru
